

ЗВУКОВОЙ ЖУРНАЛ

КРУГОЗОР

8/89

МИРУ НУЖНА
КРАСОТА

Юрий Черниченко: уроки Съезда
О подвигах, о доблести, о славе...

Берегите остров Шпицберген!
А. Цветаева. Воспоминания о сестре

М. Захаров о плюрализме в театре
Э. Карузо, П. Доминго и Леонкавалло

СЛУШАЙТЕ В НОМЕРЕ:

Иван Ребров: «Сохраним русскую песню»
Музыкальный диапазон Д. Маликова

Поэт, взявший в руки гитару
Владимир Альбинин из страны юмора

Жизнь и смерть Дженис Джоплин
Место встречи назначает Дитер Болен

АРСЕНИЙ ТАРКОВСКИЙ

Имя Арсения Тарковского неотделимо от поэтического опыта всего XX века, но многие ли знают, что первая книга поэта вышла лишь в 1962 году, когда автору исполнилось 56 лет? Она могла бы выйти в 1946 году и уже была сверстана, но печально известное постановление ЦК о журналах «Звезда» и «Ленинград» и вслед за тем рецензия, в которой Е. Книпович объявила, что Тарковский принадлежит к тому «черному Пантеону», к которому принадлежат Мандельштам, Гумилев и Ахматова, сделали выход книги невозможным. Волею судьбы Тарковский попал в дебютанты шестидесятых.

Но первой же своей книгой он так естественно вошел в строй отечественной поэзии, как будто его голос звучал в ней спокон века. Стихами Тарковского были заворожены и читатели, и поэты. Ахматова в отклике на книгу писала: «Эти, долго ожидавшие своего появления стихи поражают рядом редчайших качеств. Из них самое поразительное то, что слова, которые мы как будто произносим каждую минуту, делаются неузнаваемыми, облеченными в тайну и рождают неожиданный отзвук в сердце...»

Тарковский удивительным образом сумел соединить высокий поэтический словарь с аскетической строгостью неприкрашенной правды, барочную яркость образов с приземленностью реалий.

От «скрижальной», суровой величавости:

Я Нестор, летописец мезозоя,
Времен грядущих я Иеремия.
Держа в руках часы и календарь,
Я в будущее втянут, как Россия,
И прошлое кляню, как нищий царь.
Я больше мертвецов о смерти знаю,
Я из живого самое живое...

поэт легко переходит на тихую, щемящую ноту:

И — Боже мой! — какой-то мотылек,
Как девочка смеется надо мной.
Как голубого шелка лоскуток.

И все, сказанное до того, мгновенно преображается. Декларативная уверенность в собственном знании сменяется почти детской беспомощностью перед тайной жизни, благоговением перед чудом живой природы.

Двух месяцев не дожидаясь до этой публикации, но уже давно с пророческой зоркостью сказал он о своей судьбе: И я из тех, кто выбирает сети, Когда идет бессмертье косяком.

Александр ЛАВРИН

ПЕРВЫЕ СВИДАНИЯ

Свиданий наших каждое мгновенье
Мы праздновали,
как богоявление,
Одна на целом свете. Ты была
Смелей и легче птичьего крыла,
По лестнице,
как головокруженье,
Через ступень сбегала и вела
Сквозь влажную сирень
в свои владенья
С той стороны зеркального
стекла.
Когда настала ночь,
была мне милость
Дарована, алтарные врата
Отворены, и в темноте светилась

И медленно клонилась нагота,
И, просыпаясь:

«Будь благословенна!» —
Я говорил и знал,

что дерзновенно
Мое благословенье: ты спала,
И тронуть веки синевои

вселенной
К тебе сирень тянулась со стола,
И синевою тронутые веки
Спокойны были, и рука тепла.
А в хрустале пульсировали реки,
Дымились горы, брезжили моря,
И ты держала сферу на ладони
Хрустальную, и ты спала

на троне,
И — Боже правый! — ты была моя.

Ты пробудилась и преобразила
Вседневный человеческий

словарь,
И речь по горло полнозвучной
силой

Наполнилась,
и слово ты раскрыло

Свой новый смысл и означало
царь.

На свете все преобразилось,
даже

Простые вещи — таз,
кувшин, — когда

Стояла между нами,
как на страже,

Слоистая и твердая вода.
Нас повело неведомо куда.

Пред нами расступались,
как миражи,

Построенные чудом города,
Сама ложилась мята нам

под ноги,
И птицам с нами было по дороге,
И рыбы подымались по реке,

И небо развернулось
пред глазами...

Когда судьба по следу шла
за нами,

Как сумасшедший с бритвою
в руке.

ПОЭТЫ

Мы звезды меняем на птичьих
кларнеты

И флейты, пока еще живы
поэты,

И флейты — на синие цветки
цветов,

Трепотки стрекоз
и кнуты пастухов.

Как странно подумать,
что мы променяли

На рифмы, в которых так много
печали,

На голос, в котором
и присвист и жель,

Свою корневую, подземную
честь.

А вы нас любили,
а вы нас хвалили,

Так что ж вы лежите могила
к могиле

И молча плывете,
в ладьях накренысь,

Косарь, и псалтырщик,
и плотничий князь?

ПЕСНЯ ПОД ПУЛЯМИ

Мы крепко связаны разладом,
Столетия нас не развели.
Я волхв, ты волк,

мы где-то рядом
В текучем словаре земли.

Держась бок о бок, как слепые,
Руководимые судьбой,

В бессмертном словаре России
Мы оба смертники с тобой.

У русской песни есть обычай
По капле брать у крови в долг

И стать твоей ночной добычей.
На то и волхв, на то и волк.

Снег, как на бойне,
пахнет сладко,

И ни звезды над степью нет.
Да и тебе, старик, свинчаткой

Еще перешибут хребет.

ЗИМА В ДЕТСТВЕ

А в доме у Тарковских
Полным-полно приезжих,

Гремят посудой, спорят,
Не разбирают елки,

И сыплются иголки
В зеркальные скорлупки,

Пол серебром посолон,
А самый младший болен.

На лбу компресс, на горле
Компресс. Идут со свечкой.

— Малиной напоили?
— Малиной напоили.

В углу зажгли лампадку,
И веялку приносят,

И ставят на площадку,
И крутят рукоятку,

И сыплются обрезки —
Жестянки и железки,

Вставай, пойдем по краю,
Я все тебе прощаю.

То под гору, то в гору
Пойдем в другую пору

По зимнему простору,
Малиновому снегу.

ВЕРБЛЮД

На длинных нерусских ногах
Стоит, улыбаясь некстати,

И шерсть у него на боках,
Как вата в столетнем халате.

Должно быть, молясь на восток,
Кочевники перемудрили,

В подшерсток втирали песок
И ржавой колючкой кормили.

Горбатую царскую плоть,
Престол ницеты и терпенья,

Нещедрый пустынный-господь
Слепил из отходов творенья.

И в ноздри вложили замок,
И, верно, с тех пор погренок

На шее болтается птичьей.
По Черным и Красным пескам,

По дикому зною бродяжил,
К чужим пристрастился тюкам,

Копейки под старость не нажил.
Привыкла верблужья душа

К пустыне, тюкам и побоям.
А все-таки жизнь хороша,

И мы в ней чего-нибудь стоим.

На первой звуковой странице публицист Юрий Черниченко размышляет об уроках и надеждах первого Съезда народных депутатов СССР.

Фото А. ЛИДОВА

Я сидел на съезде и думал, что происходит напряженное действие, своеобразный театр, в котором бушуют поистине шекспировские страсти. И зрителем был наш народ — миллионы сидящих у телевизоров. А участниками этого действия, в котором были представлены все жанры драматургии, — около двух с половиной тысяч человек. И все они — главные герои.

Разве можно было представить, что внутри этой драмы вдруг будут каким-то верховным существом введены такие чудовищные события, как пожар в ночном лесу, где два поезда будут полыхать, а крики боли и ужаса раздадутся на весь Союз — ведь трагедия под Уфой отозвалась в сердце каждого из нас; если б мне сказали, что внутри этой драмы будет свирепствовать разгул диких бандитских страстей в Фергане, что будут го-

реть десятки домов и множество людей будут искать спасения в соседних областях, и объяснить это будет трудно, я бы ответил: «Нет, этот великий драматург перебарщивает. Так не может быть». Однако это было. И флаг над зданием Президиума Верховного Совета СССР в день траура был приспущен. И мы, участники съезда, прекращали трансляцию, чтобы посоветоваться: а что делать с Ферганой? Вводить чрезвычайное положение или ждать, пока разум возобладает над чувствами?

Как окончился этот съезд, столь необычный для нашей жизни, нашей истории?

Одни говорят: он ничего не принес. Это утверждал академик Сахаров. С его точки зрения, съезд не принес ощутимых результатов. И он, может быть, в какой-то мере прав, если, правда, не учитывать, что не будь перестройки в стра-

не, этих перемен в нашей жизни, ссыльный Сахаров находился бы в это время в городе Горьком под надзором милицейского ока.

Другие говорят — и таких большинство, — все удалось и торжественно, под звуки гимна завершилось. Не могу полностью согласиться и с этим, потому что я, например, приходя с какого-то большого дела, всегда хочу домой принести и показать его результаты: вот это мною сделано.

Сейчас я ничего показать не могу; слишком много было обещаний, много оттяжек в решениях съезда.

И все же съезд — событие для нас новое, неожиданное. И, как у всякого начинания, главная его ценность — его уроки. Ведь материалов для размышления он дал много.

Съезд отразил реальную обстановку в нашей стране, а это уже

УРОКИ СЪЕЗДА

нело. Все наши проблемы и вопросы, болезненные, подчас угрожающие, поставлены были на съезде отчетливо, неприкрыто, ясно. Съезд положил начало экономическому инкомыслию. Съезд положил начало и независимому этическому самоощущению каждого из выступающих, собственной этической самооценке. И еще, как мне кажется, очень важный момент — выработывалось умение слушать друг друга, умение вести диалог. Это очень трудно, и в этом мы все лишний раз убедились в дни работы съезда.

Я думаю, что эти две недели были самыми духовно насыщенными в моей жизни, а те 15 минут импровизации с трибуны съезда были самым главным, центральным, я бы сказал, выступлением за всю мою жизнь. Не потому, что были сказаны какие-то неслыханные откровения, а потому, что я чувствовал и старался внушить это другим, как все мы ответственные перед временем. Стоило мне выйти из Кутафьей башни Кремля, как я оказывался среди тех, кто меня избирал. И я знал: они, мои избиратели, не простят мне ни единого лживого или неточного слова.

Я жду время, — и уверен, оно придет, — когда наши избиратели начнут отзывать нас, депутатов. В общественной жизни политическая смерть необходима как залог движения, залог произрастания новых всходов. Если депутат не удовлетворяет требованиям избирателей, если он обманул их надежды, их ожидания, если за словами у него не следует дело, он должен быть немедленно отозван и с максимальной быстротой заменен другим — это естественно, это вполне логично.

Я радовался, когда видел, как много молодых людей среди народных депутатов. Может быть, они уступают кое-кому из старшего поколения в образовании, эрудиции, в мастерстве речи, в способности импровизировать с такой большой трибуны, перед лицом всего народа. Но за каждым из них такое достоинство, как молодость, за ними энергия, большая взываемость к самим себе, желание оправдать и укрепить доверие, которое им оказали. За ними и то преимущество, что они способны учиться, что они-то и станут завтра настоящими политиками. И только общаясь с ними, понимаешь, какое же это было горе, что двадцать лет нашей жизни прошли во времена гнилотные, во времена молчания, лжи и застоя. И желание не дать этим временам вернуться в нашу жизнь, — может быть, главный урок Съезда народных депутатов.

Юрий ЧЕРНИЧЕНКО,
народный депутат СССР

ДЕПУТАТЫ СЪЕЗДА- ЧИТАТЕЛЯМ

ОТВЕЧАЕМ
НА ВАШИ ПИСЬМА

Как мы будем жить после Съезда?» — так можно обобщить вопросы, содержащиеся в редакционной почте последнего времени. Ответить на них мы попросили народных депутатов СССР.

Ф. БУРЛАЦКИЙ, политический обозреватель «Литературной газеты»:

Думаю, что нужно решить прежде всего проблемы острого дефицита товаров народного потребления и продовольствия. Я согласен с теми, кто говорил с трибуны Съезда, что часть средств, которые выделяются на капитальное строительство, можно направить на эти цели. Надо сначала разделиться с незавершенной, а потом уж планировать новые стройки. Со своей стороны, как международник, хотел бы предложить несколько вещей. Первое — вернуться к той квоте закупок по импорту продовольствия и товаров повседневного спроса, которая была раньше. По имеющимся у меня авторитетным, хотя и неофициальным сведениям, выделение валюты для этих целей резко сократилось, примерно в 10—15 раз. Это одна из причин дефицита. Вернуть прежнюю квоту!

Второе — нужно сократить закупки кормового зерна, а приобрести по импорту мясо. Во всех цивилизованных странах уже давно пришли к неопровержимому факту, что закупать мясо много выгодней, чем кормовое зерно. Особенно это очевидно для нас, потому что наше сельское хозяйство низкой производительности. Как говорится, не в коня овес.

Третье — было бы разумным, кажется, взять кредиты у Запада и использовать их для тех же закупок. Конечно, надо подойти к этому умно, хорошо взвесить наши возможности. Но бояться этого нечего. Весь мир живет в долг. Запад хочет и может нам помочь, и наше дело — помочь ему это сделать. А это значит, надо снять консервативное мышление и бюрократические тормоза у тех, кто принимает решения.

И последнее — надо шире сотрудничать, смелее кооперироваться с западными фирмами и предприятиями. Могу назвать один пример. Вот уже три года голландцы предлагают нам организовать под Москвой образцово-показательный хозяйственный комплекс. Они выделяют кредиты, дают технологию, экспертов, скот, семена. Казалось бы, чего еще желать? Но они уже три года бьются, как рыба об лед, ходят по министерствам и ведомствам, но никакого толкового и окончательного ответа получить не могут. Аналогичные предложения были к нам и со стороны Франции, Италии и т.д. Наши правительственные органы должны радикально изменить свой подход к решению этих жизненно важных вопросов. Народ ждать больше не может, он не простит, если мы в ближайшее время не управимся с этими заботами.

О. ШЕНИН, первый секретарь Красноярского крайкома партии:

Я думаю, что решение коренных проблем нашего общества — проведение реформы политической системы, становление на крепкие ноги нашей экономики, создание правового государства — все это после Съезда получит значительное ускорение. На Съезде по этому поводу раздавалось много критики и, я даже сказал бы, критиканства. Ну, разобрались мы — и это у нас, оказывается, плохо, и то плохо. А что же дальше? Ведь надо что-то делать — вот самый главный вопрос нашей жизни. Я глубоко убежден, что вопросы продовольствия, жилья, соцкультбыта, экологические проблемы должны стать приоритетными.

Я живу и работаю в Красноярском крае. Мы еще в декабре 1987 года вычленили эти направления из всей нашей программы как самые главные. Не буду утверждать, что после этого все пошло сразу быстрыми темпами и можно говорить о каких-то результатах. Нет, пока мы только разобрались, что к чему, и знаем теперь, что нам надо делать дальше. Наш город Красноярск считается закрытым для иностранцев, и тем не менее мы приняли решение о том, чтобы совместно с итало-югославскими фирмами построить обувную фабрику. Уже строим ее под ключ. Скоро красивую, удобную обувь с маркой этой фабрики будут носить не только красноярцы, но и жители других городов.

Ответы на письма подготовила
Марина Наталич

Беседа
с Героем
Советского Союза
и Героем
Социалистического
Труда
лётчицей
В. С. Гризодубовой

ПРАВДА, ГОВОРИ!

Валентина Степановна, сколько вам было лет, когда вы начали летать?

— Год и девять месяцев. У меня сохранилась фотография 1912 года, где я с папой на его биплане. На первых самолетах не было кабины. Он привязывал себя к сиденью, а меня — к себе за спиной.

На фотографии у меня не испуганный вид, наоборот, я размахивала руками. Отец меня брал в полет потому, что глубоко верил в надежность своего самолета.

Я росла в атмосфере авиационной романтики. Родители жили бедно, но строили самолеты и моторы. Отец все делал своими руками. Мама обладала прекрасным голосом, но пожертвовала музыкальной карьерой ради дела отца. Она пошла работать швеей. Отец был лаборантом на кафедре института. Он делал курсовые и дипломные работы состоятельным студентам, сам же не смог закончить институт из-за постоянного отсутствия денег. После смерти дедушки мы сняли квартиру в подвале. Перед домом рос огромный тополь, его ветки ложились на крышу. Я залезала на крышу и там перечитала почти всю дедушкину библиотеку, начиная от Диккенса и Достоевского и кончая Мопассаном и Поль де Коком. Родители не запрещали мне читать все книги подряд.

— И это не «подорвало» ваши нравственные устои?

— Нравственные устои формируются многими обстоятельствами, и главное — в семье. Сейчас, к сожалению, разрушается домашний очаг, семья теряет свое нравственное воздействие. Дети оторваны от родителей с ранних лет. Их воспитывают посторонние люди — в детском саду, в школе, во дворе, с кино- и телеэкрана. В результате и появляются молодые люди, для которых дворовая компания становится дорожкой семьи, а уличные главари — главными воспитателями.

В прошлом году у меня в Смоленске состоялся ошеломительный разговор с молодыми людьми, которые сами подошли ко мне. Все они были с крестами, цепочками, с дикими прическами. Они попросили у меня фотографию: «Нам нужно в кого-то верить!» А я им: «Вы что, из меня икону хотите сделать? Не желаю! Вам бы только развлекать... А человек, который не нашел для себя дела, у меня уважения не вызывает».

И, знаете, никто из ребят не обиделся. Их собралось человек 25. Во время беседы выяснилось, что это

В. С. Гризодубова научила летать около сотни человек. Треть из них стали Героями Советского Союза, а морской летчик Б. Сафонов этого звания удостоен дважды. На второй звуковой странице слушайте размышления знаменитой советской летчицы о времени и о себе.

Фото Б. ВДОВЕНКО, Н. МАТОРИНА

ПОКА ДУША КРЫЛАТА

были ученики старших классов, студенты, молодые инженеры, работники культуры. Многие отслужили в армии. В общем-то неглупые ребята.

Ночью из окна моего номера в гостинице было слышно, как девочки 13—15 лет ищут «знакомств». И это в Смоленске, древнем русском городе, где нравственность, достоинство испокон веков почитались выше всех добродетелей! «Неужели в своем городе вы не можете новости порядок!»

Ребята теперь звонят мне, связь между нами не оборвалась.

— Что вы больше всего цените в людях?

— Любовь к Родине, храбрость, доброту. Во время войны я командовала полком тяжелых бомбардировщиков дальнего действия. Сама сделала 200 боевых вылетов и почти каждый из них хорошо помню. Так, во время бомбежки противника под Курском летом 1943 года погиб командир эскадрильи Александр Васильевич Ефремов. Он был из поколения между мной и моим отцом. Помню, как он переживал, когда видел, как провозжал меня на аэродроме мой маленький сынок, помахивая ручкой перед моим вылетом на боевое задание.

Зенитная оборона противника в районе Курска была мощная. Фашисты мой самолет поймали в перекрестье прожекторов и били трассирующими очередями. Я сбросила четыре бомбы, то есть четыре раза на одной и той же высоте заходила на цель. Зенитчики по мне пристрелялись, а Ефремов шел за мной вторым на той же высоте. Когда я выходила из резкого пике с разворотом, в кабине стало вдруг светло. Глянула вверх: горит самолет Ефремова! Крылья падают отдельно от фюзеляжа.

Мы выполняли боевые задания, оказывая содействие партизанам. Из глубокого тыла противника нам удалось вывезти 4 тысячи раненых и детей. Я летала к Ковпаку, к Рудневу, к Федорову, к Сабурову. Оказавшись в окружении, Сабуров собрал целую партизанскую армию! Однажды, когда я села на партизанскую площадку, ко мне подошел молодой человек и сказал: «Пани полковник, тут у Сабурова оказалось много поляков, он предлагает организовать партизанское движение в Польше. Нам нужно боевое снаряжение. Привезите его нам».

Этот человек вскоре возглавил партизанское движение на польской земле. А недавно я получила от него замечательный подарок: пластинку

с записью оперы «Борис Годунов». После войны он стал дирижером Варшавской оперы и депутатом сейма.

Как-то я увидела в Московской консерватории афишу: Роберт Сатановский! В тот день мои знакомые летчики и партизаны собрались на его концерте. Сколько было объятий, воспоминаний, слез...

— Вы были депутатом Верховного Совета СССР первого созыва, и к вам, наверное, часто обращались люди за помощью?

— За десять лет, что была депутатом, я добились пересмотра пяти тысяч дел. В основном это были просьбы матерей и детей репрессированных по 58-й статье со всеми индексами. Среди них были дела С. П. Королева, летчика М. Е. Редько и других осужденных на 25 лет. Помню также женщину, которой дали 7 лет за семь початков кукурузы, хотя у нее был грудной ребенок.

В начале 50-х годов был осужден на 25 лет по злому навету мой бывший курсант, морской летчик Виктор Горьев, который достойно прошел всю войну. Его посадили в лагерь Знаменка, где внутреннюю охрану несли бывшие бандеровцы. Они особенно издевались над участниками войны. Горьев и его товарищ-фронтовик не выдержали этого и на виду у всех, накинув на головы шинели, повернули от ворот лагеря, решив, что им лучше умереть. Уйти заключенным все равно было некуда — кругом тайга.

Вслед им ударила пулеметная очередь. Товарищ Горьева был убит сразу, а его самого ранило. Горьева бросили у проходной. На его счастье, приехал кто-то из прокуратуры, и раненый оказался в лазарете. Оттуда ему удалось отправить мне письмо.

Ночью я написала пять писем в разные инстанции с требованием пересмотреть дело Горьева и развезла их. Утром меня соединили по телефону с К. Е. Ворошиловым, и он спросил: «Валентина Степановна, что вы пишете! Откуда знаете, что там семь метров костей?» — «А вы проверьте, там, наверняка, еще больше!» — ответила я. — Наше поколение будет покрыто позором! Сожгите Знаменку!»

Примерно через месяц мой бывший курсант был освобожден.

Когда наступила эпоха реабилитации, то в приемной Верховного Совета СССР многие перекрестились: «Слава богу, теперь нас не будет терзать бабушка Гризодубова!» Моя мама, участница революции 1905 года, Надежда Андреевна Гризодубова мне помогала вместе с секретарем Надеждой Ивановной Виноградовой по депутатским делам. Ведь тем, кого выпускали, надо было получить обратно свою квартиру, устроиться на работу. Заботясь о репрессированных, мама нередко выговаривала по телефону всяким чиновникам: «На наших плечах вылезли и что вы теперь творите!»

На следующий срок меня больше не рискнули выдвигать депутатом! ■

Беседу вел Олег Чечин

На снимках: В. С. Гризодубова с П. Д. Осипенко и М. М. Расковой, с которыми она совершила свой рекордный перелет на Дальний Восток в 1938 году, и среди однополчан в домашнем кругу.

В обращении норвежского Министерства по охране среды говорится: «Чем отличается природа Свальбарда?» Сложилась она на краю жизни. Мелкие изменения жизненных условий смогут глубоко влиять на растения и животных. Желанным гостем на Свальбарде будешь, когда незаметным останется твое здешнее пребывание».
Это к сведению читателей.

ПУТЕШЕСТВИЕ С МИКРОФОНОМ

ЧЕЛОВЕК — ЧАСТЬ ПРИРОДЫ

Ляцциологическая экспедиция Института географии АН СССР, которая работает на Шпицбергене более двадцати лет, теперь называется геоэкологической. Кстати, и состав свой она тоже поменяла. Уникальный ледниковый «музей» под открытым небом, какой являет собой архипелаг, наводнили ныне биологи, почвоведы, зоологи, ботаники. Им предстоит тщательно изучить все проблемы, которые возникли в связи с хозяйственной деятельностью человека в высокоширотной тундре. Их взгляд обращен, конечно же, на советские рудники Шпицбергена, где ведется добыча угля.

...Черный, зловещий дым, отработанный местной ТЭЦ, тяжело навис (знай наших!) над бледно-голубой гладью фьорда и поплыл на противоположный берег, в горы, чтобы навечно застрять в многочисленных гривах вековых ледников. На окраине поселков выросли рукотворные горы из отвалов угля и породы — вот уж «пылят» в воздух, щедро припудривая все живое частицами мельчайшей угольной пыли! Она вездесуща — просачивается даже в водопровод: кран откроешь, а вода идет темноватая, с угольком.

Что, так и будем жить дальше? Чадить небо? Пылить воздух? Травить воду? А транспорт? Один только вертолет может вспугнуть, пролетая, тысячи птиц, делая, выражаясь языком биологов, «резко стрессовым их гнездование». А наземный транспорт? Напугал, к примеру, вездеход оленя — для животного, оказывается, это стрессовая ситуация, ибо, испугавшись, он

теряет всю накопленную про запас энергию, без которой в здешних краях пропадешь.

Шпицберген предъявляет людям особый счет — даже собак запрещено держать на архипелаге по той простой причине, что они распугивают зверей и птиц. Оказалось, не так-то просто внушить каждому человеку, живущему здесь, как правило, временно, что на Севере, где очень короткий теплый период и любые повреждения природы необратимы, он, человек, — часть природы. Должен ли он быть в ней благодарным гостем или... (помните: «По полюсу гордо шагает, меняет движение рек, высокие горы сдвигает советский простой человек»). Не придется ли такой «хозяин земли» по тундре с топором и ружьем или на вездеходе, заботясь лишь о собственном, но отнюдь не природы благоденствии?

СКОЛЬКО СТОИТ БЕЛЫЙ МЕДВЕДЬ?

Порядка десяти тысяч — если перевести на советские деньги. Таков штраф за отстрел белого мед-

ведя, установленный норвежскими властями на Шпицбергене. Впрочем, давно уже перевелись любители подобной охоты: животное занесено в Красную книгу. Не оттого ли, облаченный в белоснежную мантию «неприкасаемого», он бесечно прокладывает свои маршруты по тундре, не стесняясь, заглядывает в избушки полярников, наведывается в поселки и не ровен час может напасть на человека, будто бы в отместку за его былую кровожадную палубу... Но гораздо дороже, да еще в валютных рублях, стоит... дорога, по которой топает себе живая эмблема Арктики. И только один-единственный соперник — вездеход — способен заставить свернуть с пути хозяина тундры. Однако все по порядку...

ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО МУСОР

Эта прозаическая проблема возведена на Шпицбергене в ранг глобальной. Мусор нельзя закопать в землю (вечная мерзлота его вымораживает, и он всплывает наружу). Нельзя мусор оставить и на поверхности земли — песцы и чайки разнесут его по всему архипе-

ЭТОТ ДРЕВНИЙ
ХРУПКИЙ
МИР
ШПИЦБЕРГЕНА

3

* В разные времена по-разному называли этот архипелаг: русские поморы — Грумантом, древние викинги — Свальбардом, голландцы — Шпицбергом.

Впечатления о Шпицбергене — как след вездехода по тундре — непреходящие. Приглашаем тебя, читатель, в шестиминутную кругосветку на ледовый архипелаг. Слушайте третью звуковую страницу.

лагу; разбросанная бумага пролежит на земле тундры десятилетиями и не сгниет благодаря низким температурам. Остается собирать мусор в специальные емкости и вывозить морем на материк. В пору летних каникул многочисленные отряды норвежских юношей и девушек путешествуют по Шпицбергену на льготных условиях и попутно убирают оставленный туристами мусор. В поселках советских шахтеров проблема бытового мусора еще ждет своего решения.

ВЕЗДЕХОДАМ НЕ ВЕЗДЕ ХОДИТЬ!

Это не игра слов, а, если хотите, крик души экологов. Они одолели пешком 60-километровую трассу зимней вездеходной дороги, чтобы определить состояние почвы. И убедились, что машины, случается, ходят по еще не окрепшему снежному покрову в предзимье, ходят и по весне, когда уже частично сошел снег. Это передвижение наших вездеходов с нарушением всех установленных сроков, по сырым участкам и склонам обернулось валютными штрафами. Не белый мишка прошел и потоптал камнеломки, а тяжелый вездеход проехал — и началась эрозия почвы.

ВНИМАНИЕ, ПОД НОГАМИ КАМНЕЛОМКИ!

Летом тундра преобразуется в яркий розово-фиолетовый ковер, сотканный из моховых лоскутков-лишайников и нежных цветов камнеломки. Отважные эти цветочки взламывают камни и растут прямо на них. То сгрудятся в круглые синие лепешечки, то расплзутся разноцветными блюдцами. А как торопятся жить! Всего-то им отмерено полтора месяца, чтоб расцвести, выстоять и одарить своей красотой тех, кому посчастливится их увидеть.

Мне повезло: в ошалелом восторге осторожно переступаю с кочки на кочку — не раздавить бы роскошное, хрупкое блюдце цветка. Ненароком замечаю, что за мной, переваливаясь с боку на бок, настырно следует бургомистр — большая белая чайка, ждет, что сплуну с гнезда уточку, и тогда хищник устроит на чужом гнезде кровавое пиршество. Дудки, хитрая птица, биологи предупреждали меня о твоём коварстве. Я еще издали приметил гнезда гусей и уток и осторожно обойду их стороной. И лишайники по возможности обойду тоже: наступишь на их шубку, и все — отомрут. Да, лететь над тундрой было куда спокойнее, чем ходить по ее земле, вот если бы только вертолеты были еще бесшумными... ■

Вера ТОЛМАЧЕВА

Фото Л. ЛАЗАРЕВА

Анастасия ЦВЕТАЕВА

Наш этап из Новосибирской тюрьмы был в день мокрый, июльский. У грузовиков опущен задний борт, но усталые люди не хотят ждать. Мужчины тащат вещи, лезут, становясь на колеса, огромные, серые, скользкие улитки, полувросшие в мокрую землю. Мы едем в ссылку «навечно».

Есть среди нас слабые, неумелые. Всем им, успевая туда и сюда, подает помощь худенькая, с проседью женщина: быстро и ловко втаскивает неловкую за руку, от другой принимает чемодан, тюк, успевая и пошутить, и ободрить, посадить, попросить подвинуться, — словно всю жизнь только то и делала. Что удивительно — в этот пасмурный час ее слушали. В каком-то быстром движении она повернула лицо — меня обдала синева ее глаз. В худобе лица они огромны и так добры, так улыбки, что меня осыпало покоем: чудесна жизнь, если есть такие люди! Какая душевная воспитанность!

Машины грузно, медленно движутся по дороге. Застряв, остано-

вкусны!.. Но пить хочется! Решаем остановиться у первой избы по дороге — просить воды.

— Всем идти не надо, — говорит старик, — я пойду и кто хочет из вас; двое останутся; мы принесем, давайте нам кружки!

Идти вызвалась я. Подошли к маленькой бедной избышке. Навстречу — женщина в черном платке, глаза заплаканные.

— Дала б молочка, кабы было... Нету! А киселем овсяным угощу — что твой хлеб! По сыночку моему сороковой день справляю. — И нам — глиняную миску застывшего, почти твердого серого киселя, кислого и прохладного. Упоитель — никогда ничего вкуснее! На ладони по куску треугольному (как, бывало, торт); содержимое миски крест-накрест, и жуж, и сосем, и пьем несравненное угощение и питание — в память умершего сына.

И снова шагают волю, и мы подрагиваем от ритма их шага, как та бочка с бензином, — она уже прошлое наше, жизнь шагает вперед медленно, как волю, но мы духом не падаем. Мы — живы, и все впереди!

ДУША СВОБОДНА И В ДАЛЯХ ССЫЛКИ

вливаются. Женщин просят сойти; мужчины, все больше пожилые, дружно раскачивают кузов. Садимся. Путь продолжается. Идет дождь. Закутаные кто во что, радуемся, что не осень — не заболеем! Мысленно мы уже там, на месте назначения, в сибирском селе.

Грузовик, где сижу, везет бочку с бензином, она тяжело подрагивает на ухабах, рискуя краем попасть по ногам. Подобрал их, сунув вбок, напряженная, как струна, сижу на своем узле; пытаюсь увидеть окрестность — тщетно: дождевая завеса скрывает все.

Ехали уже третий день, когда в сгустившихся тучах — молния! Зарохотал гром. Дождя нет. Молния! Моментальным снимком! Взрезав мглу, ослепительно даря пейзаж. Мгла. Грохот! Гора грохота! Гроза в сухом небе — зловеща.

«А если молния ударит в бочку?» — молнией мысль.

Молния! Обвал грохота... Громовые удары рассыпают лавины грохотов. Молния! Гром. Град. Струи дождя. С неба — светлыми каплями — успокоение...

Спасенный бензин тяжело плещется в бочке. Привстав, усилием ступней сдвинув узел, блаженно сую ноги в другой бок, разогнув колени. Дождь стих. Привал.

Не в ту ли ночь мы заночевали в деревне? Без света и без еды — все доелось. Черную мокрую ночь трудно забыть. Но — прошла! А наутро мир заново молод. Лезем в грузовики, как в родные дома.

В тучах прорези синевы. Третий пути осталось? Еще как доедем!

— Знаете, как моя сестра написала, Марина? «Большая балласту — краше осанка!»

Отзыв соседки:

— Прекрасно сказано! — Она снова стоит, подавая руку влезавшим.

В разрезы туч — лучи, и мы видим дорогу и короткую вереницу машин. Сибирская равнина расстелилась во все стороны, и мы отрезаем и отрезаем пространство, отбрасывая его назад. Четвертый день... Пятый день. Просят сойти.

Голос:

— Граждане! Остается двадцать километров. Почва болотиста. Ехать дальше нельзя. Вещи повезут. Кто в сапогах? Слабых повезут волами. Волю пройдут! Они вездеходы!

Я вызвалась идти. Меня не приняли: неподходящая обувь. Возраст был еще сходный: за пятьдесят. Сижу с двумя старухами и стариком на длинных досках, прилаженных на поперечинах у колес (повозок несколько).

Волю, тяжело шлепая по глубокой грязи, пошли по вдруг далеко осветившейся равнине. Изредка появляются избы. Провиант, на дорогу выданный, рассчитанный дня на три пути, затаившегося почти на пять, давно съеден, остается в хлебных мешочках несколько пригоршней крошек, осыпавшихся с крутого сибирского хлеба. Едим, понемногу насыпая в ладонь. Как

Фрагменты главы из книги «Моя Сибирь»

4

Фото из семейного архива

А. И. Цветаева: «43 года мне исполнилось на допросе. В тюрьме и лагере я писала стихи...»
О своей судьбе, о последней встрече с сестрой — известным поэтом Мариной Цветаевой — рассказывает Анастасия Ивановна на четвертой звуковой странице.

Вечером мы соединились со своими во дворе большого рубленого дома (школы). За поздним часом никто не поднял вопроса о еде — где взять ее сейчас? Только спать...

В просторных классах на соломе, сняв с себя полупросохшее, укутавшись кто чем мог, уснули сразу, как засыпают дети. Даже храп не мешал в ту ночь! Наутро — школьный двор, богатый высокими соснами. Зрелище невиданное: сосны, стоящие в воде. Местность болотистая? Ежегодно речка — приток Оби — под напором ее, разлившейся, заливают весь городок. А мы в ботинках и туфлях. И те, чьи близкие могли помочь, послали просьбу о денежной или вещевой помощи. Без сапог тут — никак. Я послала три телеграммы: сыну, родственнице и Борису Пастернаку, прося денег на сапоги. Получила триста рублей от родственницы и пятьсот * от Бориса. Сына, как я позднее узнала, через несколько дней после моего отъезда перевели на Урал, на новое место, и я надолго лишилась его адреса.

Мне работы не находилось: возраст и болезнь глаз, ни жары, ни наклона, ни тяжести. Слали помощь, как только узнали мой адрес, сын с невесткой. Купленные на 293 рубля сапоги оказались отличные, яловые, ходила с сухими ногами.

* Дореформенных.

Сегодня, когда авторская песня стала способом самовыражения целой генерации, отеснив такую традиционно исповедальную форму, как лирическая поэзия, сегодня, когда знаменитая вещь «Наутилуса Помпилиуса» «Скованные одной цепью» говорит мне больше, чем десятки очнувшихся от гражданской летаргии публицистов, сегодня, когда критика, дабы никто не усомнился в ее решительном влиянии на художественный процесс, спешно лепит новых кумиров... сегодня трудно быть замеченным и услышанным. Анатолию Пшеничному это удалось.

Эфир, диски, кассеты ныне заполнены песнями, которые хочется слушать, но вслушиваться в них чаще всего охоты нет. То самое Слово, что был в Начале, в этих песнях в самом конце. Я понимаю, что мироощущение может быть выражено и через современные ритмы, и через музыкальную тему.

ФОТО
Л. ЛАЗАРЕВА

ПОЮЩИЕСЯ СТИХИ

ТОВАРИЩ-ПЕСНЯ

9

а слово может оставаться только жанровым знаком. Но в русском песенном творчестве слово всегда занимало ведущее место. Те же шестидесятники, перебирая струны гитар, принесли прежде всего свое слово и лишь потом — свой мотив.

Лично для меня люди с гитарами делятся на два типа, две школы: поющие песни и поющие стихи. Стихотворение и песенный текст соотносятся примерно так же, как волк обыкновенный, скажем, тамбовский и волк сумчатый. Похожи, называются почти одинаково, а относятся к совершенно разным отрядам млекопитающих. Песенный текст не лучше и не хуже стихов, просто это иная форма словесного творчества, это лишь элемент сложного художественного целого, называемого песней. Читать текст песни так же нелепо, как смотреть балет без музыки. Стихи же самодостаточны.

Рискую вызвать негодование, но выскажусь: Владимир Высоцкий — талантливейший, замечательнейший, выдающийся, ну и так далее — автор и исполнитель песенных текстов, полноценно воспринимающихся только в сочетании с его гитарой, его «охрипшим баритоном», его артистической внешностью... А вот, скажем, Александр Галич или Булат Окуджава — авторы стихов, поэты. Возьмите том Высоцкого — благо теперь это возможно! — и читайте насквозь, и вы заметите: те вещи, которые когда-нибудь слышали в его исполнении, будут восприниматься совершенно полноценно, а вот те, которые не слышали, вызовут иные чувства. Повторю еще раз: речь идет не о недостатке творчества Высоцкого, а об эстетической природе его произведений. Кстати, в этом же жанре предстают, по-моему, Юрий Визбор, Александр Городницкий, Андрей Макаревич...

Анатолий Пшеничный — поэт, взявший в руки гитару. Кстати, когда я познакомился с ним десять лет назад на совещании молодых писателей, он еще не пел свои стихи. И тем не менее рукопись первой книги уральца Анатолия Пшеничного, приехавшего учиться в Москву, была замечена. Сегодня он автор нескольких поэтических книг, выпущенных в столице и в Свердловске. И поскольку премии у нас еще не отменили, добавлю: лауреат премии Ленинского комсомола, которой была отмечена его поэма «Зона доверия».

Не знаю, что заставило Анатолия Пшеничного взять в руки гитару. Может быть, соблазн традиции, может быть, личные склонности, а может быть, стремление вернуть поэзии ту пронзительность голоса, то влияние на людей, которого она сегодня, увы, лишена. Кем? Никем. Есть малоизученные законы развития общественных вкусов и пристрастий. Одна знаменитая поэтесса рассказывала мне, что, составляя избранное, наткнулась на раннее стихотворение, за которое в 60-е годы на вечере в Политехническом публичка ее качала на руках. Наткнулась, перечитала и недоуменно пожалела плечами. Ныне наша поэзия, на мой взгляд, очень сильная, переживает период охлаждения читательского внимания. Но это, убежден, поправимо. Достаточно вспомнить историю, например, протуберанец русской поэзии начала XX века, полыхнувший после упадка конца предшествовавшего столетия.

Мне очень нравится, что поющие стихи Пшеничного социально остры, причем это не вымученная острота, она органична, что особенно важно сегодня. Когда я слушаю его песни, мне хочется их перечитать глазами, углубиться в словесную вязь. Мне очень нравится его поющее стихотворение «Жертвы репрессий»:

...Но не докричаться —
кричи не кричи,
Не выжить — молчи не молчи...
И, бросив щиты, обнажили мечи
Несчитанные палачи,
Лучиной тлея надежда в груди,
Но вновь устевала сгореть,
И черной звездой плыла впереди
Свобода

По имени Смерть...
Правда, «нравится» — неточное слово. В этих строках с подлинно генетической достоверностью передан ужас моего поколения перед эпохой, которая именем Справедливости творила одну из самых жутких несправедливостей в человеческой истории.

Впрочем, полагаю, читатель-слушатель «Кругозора» сам разберется в особенностях творчества Анатолия Пшеничного. Тем более что кроме поющих стихов есть еще и книги поэта...

Юрий ПОЛЯКОВ

На девятой звуковой странице Анатолий Пшеничный исполняет свои песни «Не надо грязи!», «Жертвы репрессий» и «Ошибка».

Беседа с режиссером Марком ЗАХАРОВЫМ

— Прежде всего поздравляю вас, Марк Анатольевич, с началом работы в качестве народного депутата СССР. И знаете что... Почему бы вам не воспользоваться этим правом в интервью? Тем более сейчас, после Съезда. Сделайте сами себе депутатский запрос.

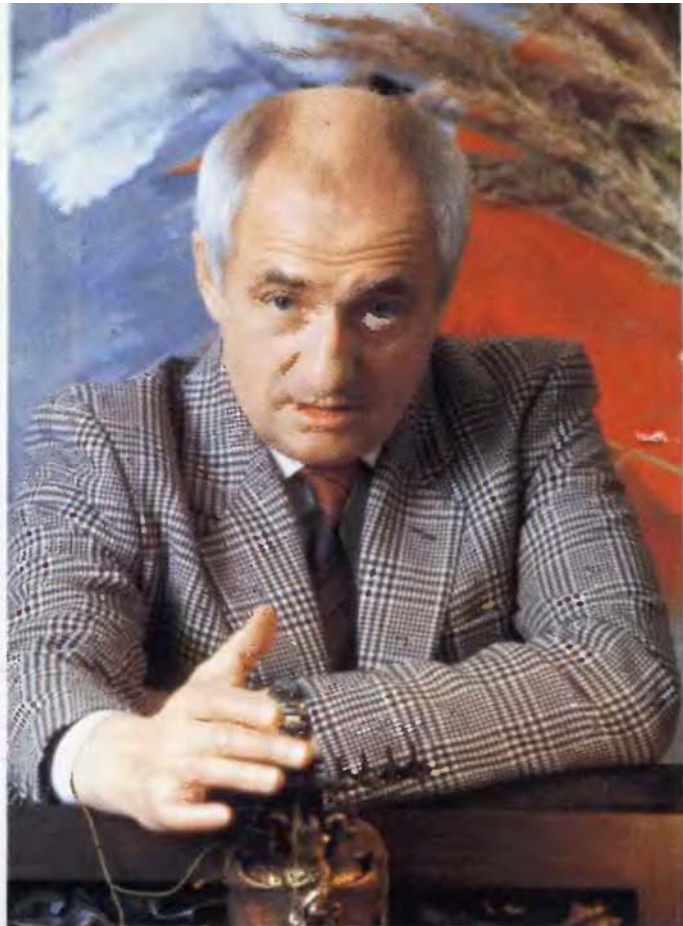
— Депутатский запрос? Неожиданно. Ну что ж, в таком случае я бы сформулировал его так: «Решен ли на Съезде коренной вопрос любой революции — о власти? Кому она теперь принадлежит? Советам или партии?» И откровенно ответил бы: «Не знаю». Считаю, что партия, наш политический авангард и инициатор перестройки, членом которой я состою, должна быть в иерархии наших ценностей после Верховного парламента всей страны. Но пришли ли мы на Съезде к изменению нашей политической структуры, к длительному народовластию, или вопрос об этом только поставили, я до конца не понял, и это меня мучит. Но зато убедился: в новый парламент вошло немало личностей, обладающих независимой, ответственной, я бы сказал, выстраданной мировоззренческой позицией.

Очень порадовали меня на Съезде молодые рабочие депутаты, те, что прошли на выборах, что называется, огонь, воду и медные трубы. Как они сильно и смело мыслят! Каким обладают даром вдохновенного убеждения, отставания своих взглядов — тот же Николай Травкин, к примеру. Таким людям и надо передавать защиту наших гражданских и социальных интересов. И меня совершенно не волнует, ученый ли это, художник, врач или рабочий. Да, не все получилось так, как мы хотели, — собрать

низ, который не забуксовал бы на придуманных еще Сталиным процедурных болотах, не попал в плен многочисленных бюрократических капканов и уловок. И такой рост самосознания даст возможность постоянно с болезненной остротой ощущать святую ответственность депутатов перед избравшим их народом.

Да, первый Съезд народных депутатов на глазах всего мира низверг столько бюрократических мифов и святых, сколько не было разрушено и за десятилетия. Но Съезд и показал, сколько еще осталось проблем, сколько многотрудной, теперь уже созидательной работы. И критически важно нам, депутатам, наработать опыт демократического обсуждения и принятия решений, опыт, который, чему все мы свидетели, не приходит в одночасье. Ушла в прошлое демонстрируемая по всякому поводу «монолитная сплоченность». Все больше людей понимают: должна быть альтернатива, должен быть выбор, глубокие, безо всяких популяризаций раздумья, исключая возможность немедленного принятия единственной точки зрения, пусть и принадлежащей самому уважаемому лицу. Только в этом случае советский парламент, осуществляющий по Конституции высшую законодательную власть в стране, станет по-настоящему действенным рабочим органом. Нам всем, и не только депутатам, еще предстоит учиться профессионализму, без которого самые прекрасные мечты так и останутся воздушными замками.

— Итак, депутат-профессионал. Но и главный режиссер, простите за сакраментальность, тоже обязан быть профессионалом. Так не мешает ли Захаров-депутат Захарову-режиссеру? И не отвлекают ли частые статьи в прессе, порой весьма резкие, многочисленные

Марк Захаров.
Фото
В. ПЛОТНИКОВА

Сцены
из спектакля
«Мудрец».
Фото
В. КУПРИЯНОВА

БОЛЬ НАРОДА—БОЛЬ ТЕАТРА

в Верховном Совете некую генерацию одних только ярких умов, талантливых мыслителей и организаторов.

Не удалось отстоять и профессионализм. Московская группа, и я в том числе, была настроена на создание именно профессионального парламента. Но теперь надо не переживать, а исходить из реальности и проявить чувство ответственности. А оно в том, чтобы люди, отстаивающие необходимость политической и экономической демократии, пусть с разных позиций, сумели все же объединиться и сосредоточить усилия на жизненно важных, кардинальных вопросах перестройки. Выработать такой метод работы, такой меха-

выступления, в том числе перед молодежью?

— Осложняют — да, в какой-то мере. Отвлекают — нисколько. Наоборот, возможность быть в гуще общественной жизни позволяет ощущать биение ее пульса, что крайне важно для театрального деятеля, если он хочет, чтобы театр от этой жизни не отстал. Особенно театр молодежный. Когда-то Троцкий сказал, что молодежь — это барометр партии. Если отбросить личность самого автора, к которому может быть в целом негативное отношение, то слова совсем неглупые. Барометр партии, вообще барометр общества. По реакции молодежи, перед которой выступаю, которая приходит

На пятой звуковой странице вы познакомитесь с новым спектаклем Театра имени Ленинского комсомола «Мудрец», услышите мнение об этом спектакле театрального критика А. Смелянского и режиссера М. Захарова.

МАСТЕРА СОВЕТСКОГО ИСКУССТВА

к нам в театр, всегда можно точно судить, что людям надоело, обрыдло, и к чему они, наоборот, тянутся. Общественная деятельность — это еще одна ниточка обратной связи.

— Не потому ли во многих театрах жалуются, что молодежь к ним не ходит, что зритель постарел, а у вас всегда аншлаг, лишние билеты еще у метро спрашивают?

— Это наше счастье, пока, правда, временное, потому что театр долго не существует, он, как и живой организм, подвержен старению. Но поверьте, мы никогда не стремились угодить именно молодежи. Надо подражать великим. Пушкин никогда не писал на молодежную или же деревенскую тематику. Он выплескивал то, что лежало на сердце, что его мучило. А проживший девяносто лет Пикассо, который до последнего дня оставался молодежным кумиром! Разумеется, в какой-то мере мы учитываем молодежную аудиторию. Скажем, в репертуаре.

— Кстати, не кажется ли вам странным, что четыре года перестройки оказались не слишком-то густы на интересные, злободневные пьесы? Их буквально по пальцам пересчитать. Можно ли винить драматургов? Или же и впрямь для творчества важен не только большой талант, но и большие препятствия?

— Понять скрытые пружины творчества безумно сложно. Вы сказали о препятствиях. Николай Васильевич Гоголь тоже утверждал, что некие барьеры на пути художника лишь его тренируют, усиливают энергетику вдохновения. Но сегодня же не просто свобода сменилась на свободу. Изменилось все — вкусы, интересы, духовные потребности людей. Потрясающая беллетристика журналов, газеты, радио, телевидение овладели умами, страстями миллионов людей. Да, театр с его куда большей инерцией оказался сейчас в сложном положении. Овладеть зрительским вниманием сегодня неизмеримо труднее, чем пять лет назад.

— Тем не менее вам это удастся. Понимаю, как трудно в нескольких словах показать секреты творческой «кухни». И все же как удается труппе уже вполне зрелых людей увлечь нынешнюю молодежь с ее острой тягой к правде, порой озлобленностью, нетерпимостью к любым мнениям, кроме собственного?

— Ну, нетерпимость к чужим мнениям — свойство не только молодежи, это уж так на Руси повелось. Об этом много писали наши великие философы, в частности Бердяев, которого я очень люблю. Нам с трудом дается относительная истина, постепенное целена-

правленное движение по ступеням совершенствования. Нет, подай с завтрашнего дня истину абсолютную, вечный закон, единственно верную инструкцию. В последние десятилетия в соответствии с идеологическими догматами требовали установления порядка чуть ли не в самом мироздании. Удивительно ли, что молодежь во многом унаследовала нашу ортодоксальность? И вместе с тем в ней всегда подспудно требовала выхода тяга к новому, неординарному. Но именно этим же, смею думать, всегда прорастал и наш театр. Новыми идеями, содержанием, новыми героями, новой формой.

Мы делали разные спектакли, поскольку мир неоднозначен, и процессы, в нем происходящие, могут подвергаться разным толкованиям. Альтернативность в мышлении, к которому наше общество шло такой трудной дорогой, тот самый плюрализм — он обязателен и в театре, и мы стремились в спектаклях удивлять зрителя разным сценическим решением мучивших драматурга проблем. И потому у нас есть музыкальные спектакли и психологическая драма, есть политический театр. Подчиняя все содержанию, важно слить в одно целое авторский замысел, режиссерскую сценографию, постановочные эффекты и аттракционы и неповторимую, уникальную индивидуальность актера, любимого народом. Их у нас целое созвездие: Инна Чурикова, Татьяна Пельтцер, Евгений Леонов, перешедший к нам недавно артист Владимир Стеклов, которого уже успели полюбить, Леонид Броневой, Николай Караченцов, Олег Янковский, Александр Збруев, Александр Абдулов и немало других. Это очень важно, чтобы наряду с интересным режиссерским решением на сцене была феерия личностей, ибо психическая энергия, по словам Николая Рериха, психическая нервная энергия неповторимой человеческой индивидуальности способна потрясти своей экзальтацией зрительный зал. Умный зрительный зал.

— Характерно, что у вас наибольший успех среди молодежи имеют спектакли как раз философского плана. Из последних — тот же «Мудрец».

— Знаете, меня как-то очень удивила дочь, когда училась в седьмом классе. Ей всегда с трудом давались сочинения, она их вымучивала долго, нудно, мусолила с такой тоской. И однажды я принес домой книжку философа Бердяева и прочел ей две-три страницы, которые мне очень понравились. Потом смотрю, она стала ее переписывать. Переписывать! Я все же отношу это не к осмысленному акту, скорее к бесознательному инстинкту. Знаете,

когда в организме не хватает некоторых веществ, дети едят мел, траву, естественно тянутся к тому, где могут быть витамины. Вот я и думаю, что сегодня всем нам, обществу в целом, не хватает каких-то духовных витаминов. И молодежь, эта наиболее тонко чувствующая часть общества, потому так тянется к философским проблемам, к сочинениям величайших русских философов, таких, как Соловьев, Бердяев, Розанов, Шестов. Их мысли, их чаяния чудесным образом оплодотворяют искусство, обращаясь к добру, к правде, усиливая мощь воспитательного воздействия.

— А воздействие сокрушительное. На одном из ваших спектаклей, обернувшись, увидела затаивший дыхание зал, горящие глаза. Вам не страшно обладать такой властью?

— Страшно. И радостно. Очень важно, в чьих руках этот заряд замедленного действия, который может поменять мысли, поступки, быть может, даже судьбу молодого человека. Ведь в душу можно забросить и дурные, и добрые семена. Помню, как мама повела меня на «Синюю птицу» во МХАТ, когда мне было семь лет. Думаю, это решило мою судьбу. Хотя я и мало что понял в сюжете, но огромная сила художественных впечатлений, обрушившихся на ребенка, который в первый раз увидел такое чудо, стала катализатором, мощным импульсом воздействия на еще только формирующийся разум.

А вот пример обратного воздействия. Я попросил вставить в «Киносерпантин», который веду на телевидении, кадры из «Падения Берлина». Был такой псевдоисторический фильм в нашем кинематографе, где Сталин появляется в Берлине сразу после войны, в 45-м году. И к нему сбегаются люди со знаменами. И, представьте, после показа мне прислал письмо один зритель. Он писал, что смотрел эти кадры и плакал от умиления: какой великий вождь, как он замечательно появился на аэродроме и какую радость всем нам доставил. И это уже в наше время! Серьезная проблема. Проблема изуродованного сознания, исковерканных мозгов, глубокой духовной деформации общества, жертвой которой стали целые социальные пласты. Вот она, наша боль. И вину за это в том числе несет и псевдоискусство, лживое и самодовольное, но успешнее раскидать духовные метастазы. Выжечь их очистительным огнем негодования, залечить язвы общества целебным теплом добра, милосердия — святая задача для всех честных деятелей искусства.

Беседу вела
Н. Добровольская

Репортаж о гастролировавшем в СССР певце Иване Реброве шел как бы в нескольких планах: разговоры вокруг его песенных вечеров, интервью с самим артистом и, наконец, размышления человека, прошедшего с ним все гастролы — дирижера Государственного академического оркестра русских народных инструментов имени Осипова, народного артиста РСФСР Н. Н. Калинина.

В громадном Дворце спорта «Динамо» — небольшие гримерные с «предбанником». Когда Иван Павлович Ребров приходил сюда после концерта, в коридорчике уже было полно народу и кипели споры. Истолкователи и исполнители русской народной песни Зыкина и Рюмина, Мешко и Рубашкин — «все побывали тут».

Народная артистка СССР Нина Константиновна МЕШКО была лаконична: «Это уникальный голос: тенор с сопрановыми верхами и нотами баса профундо внизу. Одареннейший артист, но ему необходим более длительный контакт с нашей страной — с «родиной моего сердца», как он называет Россию...»

Специально прилетевший на концерты Реброва выдающийся танцовщик, знаток мирового фольклора Махмуд ЭСАМБАЕВ сказал: «У нас нет такого певца. Может быть, я утрирую, но в каком-то смысле русский народ потерял свою песню. А Ребров в Москве напомнил: «Сохраняйте красоту русской песни». Вырос же он не у нас, а там, за границами нашей страны. Меня до дрожи трогали его пиано, нарастания звучности голоса, свобода исполнения. Мы не привыкли к этому. Бывает, у нас голоса звучат, простите, как в бочке. Ребров, однако, показал, что каждую нашу песню надо сыграть, как спектакль. А для этого ее должен петь настоящий актер. Ребров — актер, и у него свой театр...»

Н. КАЛИНИН, народный артист РСФСР: Искусство Реброва — это настоящий театр. Каждая песня режиссерски поставлена. Музыкальные образы выверены и угаданы точно, хотя русским языком певец овладел еще не полностью. Как мы работали? Оркестр получил перечень песен и тональностей за две недели до гастролей. Поэтому мы взяли наши старые оркестровки и с лета, с одной репетиции, сделали всю программу. Заново пришлось работать над сценками из мюзикла по «Тевье-молочнику» Шолом-Алейхема, над мелодией Лары из музыки к фильму «Доктор Живаго». А детали: его выходы, диалоги с публикой — все отработывалось на ходу, в автобусе, за обедом, на прогулках — всюду.

Иван Павлович не любит долго репетировать, он намечает рисунок номера всегда оригинальный. Возьмите прихотливые его ритмы

ГОСТИ МОСКВЫ

РОССИЯ- РОДИНА МОЕГО СЕРДЦА

в «Легенде о 12 разбойниках» или в «Полюшке-поле» — он, кстати, сам изображает цоканье копыт в песне Книппера...

Из интервью с Ребровым:

Иван Павлович, вы, оказывается, еще и звукоподражатель...

И. РЕБРОВ: Да, в свое время я этим занимался в известном за границей казачьем хоре у Жарова, где я прошел хорошую певческую выучку. Открытием было там для меня и пение хориста Болотина, обладавшего нежным фальцетом. Вместе с ним мы солировали в «Вечернем звоне». Что касается педагогов, то я учился у Александра Китнеса, специалиста по славянским голосам. Вообще-то я окончил музыкальную школу в Гамбурге. Другой заочной школой был, конечно, Шаляпин.

— Чтобы получить школу, нужен еще такой голос, как ваш...

И. РЕБРОВ: Это дар божий, переданный мне мамой и отцом. Они

рано покинули Россию, но и в Германии при Гитлере не могли жить — странствовали по Европе. Бабушка — мать отца погибла в нацистском лагере Терезиенштадт. Но родился я в Германии до всего этого, в 1931 году. По рассказам, когда я появился на свет, первый мой крик был встречен возгласами: «Бельканто!»...

Н. КАЛИНИН: Да, действительно, говоря серьезно, голос у Реброва редкостный. Прекрасно развит фальцет. Он блестяще владеет микстом — смешанным регистром. Хороши баритональные и глубокие басовые ноты. Диапазон в четыре с половиной октавы! Может быть, не всегда оправдана его голосовая орнаментика, но всегда логичны уходы на фальцет или, наоборот, в бас. Пускай! Но это живой спектакль, который идет и на сцене, и в зале. То здесь, то там певец подходит к зрителям, вовлекая их в свою игру. Все это возможно потому, что у И. П. Реброва есть миниатюрный микрофон-передатчик, посылающий голос на усилители.

Но, мне кажется, самое главное чудо — он сам, Иван Ребров. Неутомимый человек, который дает 300 концертов в год. Он поет в залах, в опере, в церквях, он поет западную классику и русских авторов. Всему этому помогает его открытый, добрый, в чем-то детский характер. Именно благодаря его вере в красоту нашей песни и удалось собирать по 5 тысяч человек на каждый «ребровский» вечер в Москве. Наши организаторы фольклорных концертов боятся публики. Они знают, что в лучшем случае получают зал Чайковского или Колонный, а о празднике русской песни на стадионах или во Дворце съездов и не мечтают. Концерты Ивана Реброва с нашим оркестром доказали, что такое представление возможно, если в центре его стоит выдающийся исполнитель.

Теперь мы ждем И. П. Реброва осенью — концерты пройдут в нескольких наших городах.

В Сокольниках, присев на скамеечку, Иван Павлович Ребров слушал пение птиц. Немного погодя он сказал: «Тише, тише, это — соловей. Я запомню: Сокольники, 16 мая, 11 часов утра...» ■

Фото А. ЛИДОВА

На седьмой звуковой странице Иван Ребров в сопровождении Государственного академического оркестра русских народных инструментов имени Осипова исполняет русские народные песни «Вниз по матушке, по Волге», «Эх да по речке» и фрагмент из романа Алябьева «Соловей».

Семьдесят лет назад, в местечке Монтекатини, недалеко от Флоренции, умирал композитор Руджеро Леонкавалло. Он был не так уж стар — ему шел 62-й год. Но кто знает, отчего люди уходят — болезнь подкрадывается незаметно, и неаполитанцу, каким был Леонкавалло, к концу жизни не хватило кусочка солнца, который он, по поговорке, носил с собой в кармане.

Он умирал, не удовлетворенный жизнью. Ему казалось, что она его обманула, сделав его чуть ли не неудачником. Спросите о Леонкавалло у широкой публики — в ответ, как пароль, вам произнесут: «Паяцы» — да еще и прибавят: «Композитор одной оперы». Как будто одной хорошей оперы мало...

Леонкавалло написал «Паяцев» в 34 года, когда половина пути была уже пройдена. Каким же был этот путь? Посмотрите на фотографии композитора. На вас смотрит напомаженный фронт с задранными пиками усов — этакий карабиньеро в частной жизни. Вроде композиторского в этом облике мало. На самом же деле Руджеро Леонкавалло был именно серьезным и образованным композитором — он окончил Неаполитанскую консерваторию и Болонский университет.

Еще на студенческой скамье начал сочинять оперы, но дело шло крайне трудно, надвигалось безденежье, и Леонкавалло пустился в странствия. Колесил по Европе, был и в Египте, давал уроки музыки, служил тапером в кафе, писал песенки... и думал о своем оперном «реванше». Но как его взять? Первые две оперы — «Чаттертон» (по драме А. де Виньи), «Медичи», как и судьба третьей — «Сон в летнюю ночь», — автору лавров не принесли.

Может быть, загвоздка была в современном сюжете? Леонкавалло узнает об оперном конкурсе, присудившем первую премию Пьетро Масканьи за «Сельскую честь» (герои — сицилийские крестьяне), и сочиняет своих «Паяцев», выведя на сцену бродячих комедиантов.

В мае 1892 года «Паяцы» были поставлены в Милане, и Леонкавалло праздновал победу. Секрет триумфа оперы, идущей до сих пор по всему миру, не только в ее «горячей», выразительной музыке, но и в ее философии, сконцентрированной в кульминации — слез-

*«По моему
глубокому убеждению,
музыка — не что иное,
как самое поэтичное
и совершенное выражение души».*
Р. Леонкавалло

ИСТИННОЕ НЕ УМИРАЕТ

На снимках вы видите прижизненный графический портрет Руджеро Леонкавалло, а также фотографии певцов Энрико Карузо и Пласидо Доминго.

На шестой звуковой странице — две арии Марселя из 1-го и 3-го актов оперы Р. Леонкавалло «Богема». Исполнители: Энрико Карузо и Пласидо Доминго.

ВОЗВРАЩЕНИЕ
ЗАБЫТОЙ МУЗЫКИ

ном «крике» — ариозо Канио «Смейся, паяц». Это ариозо было принято и позже жестоким и трагическим XX веком как один из трогательнейших плачей человека по своему горю, по своей оборванной любви.

После «Паяцев» Леонкавалло написал еще несколько опер, в том числе «Цыганы» (на пушкинский сюжет), 9 оперетт, балет, симфоническую и церковную музыку, сочинения для фортепиано, романсы. До сих пор все убеждены, что все это далеко уступает «Паяцам» и что их творцу не избавиться от титула «композитор одной оперы».

Однако после смерти Леонкавалло импресарио и певцы стали вновь перелистывать страницы его партитур. Они обратили внимание на оперу, которая должна была продолжить триумф «Паяцев», но вместо этого едва его не зачеркнула, — на «Богему».

До сих пор точно неизвестно, как это произошло, что Леонкавалло и Пуччини писали оперу на один и тот же сюжет по роману французского Анри Мюрже «Сцены из жизни богемы». То ли либреттист Пуччини Луиджи Иллика что-то проведаль, то ли сам Леонкавалло, проговорившись, выдал замысел сопернику. Пуччини, правда, говорил позже, что если бы знал о намерении Леонкавалло, то «и думать не стал о «Богеме»». Так или иначе, но в 1893 году, едва начав сочинять, Леонкавалло с ужасом узнает, что Пуччини уже вовсю работает над оперой, и понимает, что догнать его невозможно.

Так и произошло. «Богема» Пуччини была поставлена в 1896 году, а «Богема» Леонкавалло — годом позже, и неаполитанец потерпел поражение.

Конечно, дело было не только в «опоздании» Леонкавалло, но и в блестящей музыке его соперника. Но судьба все-таки внесла свои поправки. Постепенно, без шума, без громких премьер «Богема» Леонкавалло входила в репертуар американских и европейских оперных театров и занимала свое место в концертных программах многих выдающихся певцов нашего столетия. Двух из этих исполнителей вы услышите на шестой звуковой странице «Кругозора».

Послушайте запись и вы поймете, что эта музыка возвращается к нам по праву. ■

Александр СЛУЧАЕВ

Москвичка И. Польшева в письме поведала о своем прямо-таки отчаянном положении после завершения показа по ЦТ бразильского сериала «Рабья Изаура». «Этот фильм так захватил нас,— пишет она,— что теперь, по окончании, нам все время чего-то не хватает. Жизнь опустела и обесцветилась». Почитав другие письма на эту же тему, можно невольно прийти к безрадостному резюме: «Нет у нас хороших фильмов. Если зарубежные не показывают, смотреть совсем нечего!»

Но так ли это?

Кинорежиссер Э. Климов как-то заявил, что мы за последние пятнадцать — двадцать лет залили советский киноэкран серым потоком бездарности, однако истины ради следует уточнить, что весь экран, к счастью, сим потоком залить не удалось. Хотя многие и старались на совесть.

В те же самые застойные годы, о которых вел речь Э. Климов, были созданы произведения, неожиданно удивившие незауженным, граждан-

двоенных и военных будней в фильмах А. Германа, волновала экспрессия михалковских лент, мужественная лиричность картин К. Муратовой. Прекрасными произведениями было отмечено творчество Л. Шепитько и Т. Абуладзе, В. Абдрашитова и М. Хуциева, С. Соловьева и Р. Балаяна, других талантливых режиссеров «второй» и «третьей» волны, отличавшихся серьезным, спрашивающим ответом вглядыванием в страну, время, в нас с вами, в самих себя!

Сколько лет лежали на «полке» ленты, пленявшие красотой духа и широтой мысли художника: «Комиссар» А. Аскольдова, «Ася Клячина...» А. Михалкова-Кончаловского... Да мало ли!

Эту кажущуюся алогичность уловил Ян Кристи, который в английской «Гардиан» пишет: «Знакомство с лентами Германа наводит на разные вопросы. Например, в какой другой стране может режиссер посвящать почти 15 лет созданию трех шедевров? И были бы они подлинно шедеврами, если бы не постоянно висевший над ними меч цензуры? Некоторые сейчас задаются еще одним вопросом: а не явится ли гласность тормозом для развития серьезного искусства? Кто знает. Но в настоящий момент ее можно благодарить за то, что она открывает нам таких мастеров, как Герман».

Все это, однако, недавняя история, у которой была поучительная предыстория.

Отцы — основатели советского кино, его классики многие лучшие свои фильмы сделали в 20-е годы. Позднее им пришлось жить и работать как бы в бескислородной среде. Удач было не так уж много, если отказаться от набивших оскомину оценок и взглянуть на сделанное ими из 80-х. Они творили в строго очерченном кругу тем и идей, а лучше сказать — лозунгов и расхожих сентенций. Поскольку сомнения, а тем более неверие обрекали на немощь, оставалось искать в пределах этого круга то, во что можно было уверовать, не потеряв лица и уважения к себе. Чаще всего это удавалось спасительным погружением в прошлое, в историю. Так родились «Чапаев» и «Мы из Kronштадта», «Александр Невский» и «Иван Грозный».

Легче было молодым. Во второй половине 50-х, когда флажки ограждения упали, началось освоение ранее запрещенных пластов жизни — их осмысление и переосмысление. Сначала несколько робкое, затем более смелое и активное. Сначала «Человек идет за солнцем», «Я шагаю по Москве», затем «Застава Ильича».

Тормоза были включены столь же неожиданно, сколь и резко. Только вот джинна, выпущенного из бутылки, загнать обратно не удалось. Гадать относительно того, что и как могло случиться, не висит над художником меч цензуры, — занятие, ли-

шенное смысла. Здесь Ян Кристи прав. Сослагательное наклоние не приложимо к историческому анализу. Важно другое: советское киноискусство подтвердило и в этот период свой высокий «рейтинг», несмотря на тяжелую общественную ситуацию. Можно даже сказать: вопреки ей.

Но при этом мы достаточно хорошо знаем, что настоящие произведения, сделанные у нас в стране, у собственного зрителя не всегда, к сожалению, находили благосклонный прием.

Если бы у массового зрителя неизменно существовала жажда одного лишь «настоящего», интересно, куда бы в таком случае американцы делись со своими «Кинг-Конгами»...

Безусловно, в США, Италии, Франции, других странах есть отличные режиссеры, ставящие фильмы как поискового характера, так и те, что предназначены самому широкому зрителю. Американские «Крестный отец», «Апокалипсис», «Френсис», «Амадей»... Однако известно и то, что подобных картин делается там не так уж много. «Кинг-Конг» — пример куда более типичный для популярного жанра.

Говорят, что даже самые наши «ударные картины», такие, как «Асса», «Холодное лето пятьдесят третьего...», не завоевали зарубежные аудитории, хотя и предлагались на продажу. А может быть, не их надо было предлагать? У американцев на сей счет своя точка зрения. Это по поводу «Холодного лета...» ими было сказано: «Если это вестерн, делайте как вестерн, если драма — то как драму».

Мне кажется, эта формула успеха сомнительна даже в коммерческом плане. Сам Достоевский, как известно, не пренебрегал в драме детективным сюжетом. И ничего, читают. В той же Америке. Нам же, думаю, полезно задуматься, не приведут ли подобные призывы к тому, что появится больше картин, которых и сейчас, увы, в избытке, но станут меньше похожих на «Холодное лето...». Критерии искусства и рынка не всегда совпадают.

Так что же все-таки может заинтересовать зарубежного зрителя в нашем кино? Пожалуй, за некоторым исключением то же, что нас самих. Общечеловеческое в судьбах, сомнениях, опасениях, надеждах. Социальная и национальная окраска, как показывает опыт, здесь не помеха.

Разве не поучительна, например, ситуация с картиной «Москва слезам не верит»? Успех у нее был оглушительный. Даже «Оскара» получила в США. Сделанная профессиональной рукой, она вобрала в себя судьбы, конфликты вполне реальные, понятные людям в странах с различным социальным устройством и житейским укладом. В ней присутствовали элементы, я бы сказал, сказочного происхождения, потребность

КОГДА ДВАЖДЫ ДВА- ПЯТЬ

ски и философски осмысленным взглядом художника, свежестью киноязыка. Именно тогда нам повезло увидеть фильмы А. Тарковского и понять, что, оказывается, существует кинематограф, потенциал которого чрезвычайно широк и богат. Мы наслаждались тонкостью, приглушенной тональностью лент О. Иоселиани, принципиально непохожей на ранее виденное художественной манерой С. Параджанова. Завораживало тревожное дыхание

в которых живет, видимо, повсюду.

Решение проблемы, наверное, в понимании того, что может по-настоящему заинтересовать зарубежного зрителя и чем мы хотели бы вызвать этот интерес. По существу, это же относится и к успеху нашего киноискусства у собственного зрителя.

Уже общим местом стало утверждение, что наш экран заполонили немелко сработанные, бесталанные, лишенные интересного сюжета кинокартины. Зрители нередко советским фильмам предпочитают зарубежные. Дело в том, что их ленты в массе своей профессиональнее, кинематографически лучше оснащены и зрелищнее. И все же не стоит так называемый жанровый кинематограф представлять полем, заросшим сорняками. Можно вспомнить «Голубые горы» Э. Шенгеля, «Милый, дорогой, любимый, единственный...» Д. Асановой, «Порох» В. Аристовой, «Успех» К. Худякова, «Чучело» Р. Быкова, «Голос» И. Авербаха, «По главной улице с оркестром» П. Тодоровского, «Влюблен по собственному желанию» С. Микаэляна, фильмы Г. Данелии, Э. Рязанова, многие другие картины, сделанные в разные годы разными художниками.

Почему же сложилась невеселая ситуация в жанровом кино, где сценаристы и режиссеры реже задавались деликатными проблемами, особенно в глубинном их исследовании, чем создатели авторских фильмов? Да все по той же причине.

Угодить, как известно, важно было не зрителю, а начальству. Начальство же хотело одного — чтобы все было «правильно». Как оно это понимало. Вот и подбиралась многочисленная рать кинематографистов, способных отозваться лишь на это требование. Она тает сегодня, эта рать, перестраивается, как может, но почерк ее пока еще остается господствующим на экране.

Чтобы кино развивалось плодотворно, необходимы условия, которые утверждали бы равноправие интересов большинства зрителей и меньшинства. При всем различии авторского и жанрового кинематографа оба канала взаимодействуют по принципу сообщающихся сосудов. И дабы не возникло здесь помех свободному и полезному обмену ценностями, нужна обстановка творческой деликатности, терпимости к искусству разных художественных школ.

Признаки нового состояния атмосферы уже заметны. Показательно, что фильмы А. Сокурова при всей непривычности, а порой и спорности их кинематографического языка вызывают к себе спокойное и нередко доброжелательное внимание даже у тех, кто не приемлет смысла и стиля произведений этого художника. Еще более показательно, что ретроспектива его картин прошла по Центральному телевидению для миллионов зрителей. Значит, недавний

столь шумно рекламированный в Одессе альтернативный подход (или — или) хоронит себя окончательно.

В изменившейся атмосфере стали появляться фильмы — большей частью молодых художников, — в которых ощущается стремление их создателей поставить проблемы острые, социальные, сегодняшние. Сделать картины зрелищно привлекательными, сюжетно интригующими, равно интересными разным слоям зрителей, но прежде всего молодым. При этом заметна серьезная заинтересованность авторов в профессиональной добросовестности своих лент.

Картина «Маленькая Вера», находящаяся как бы на стыке авторского и жанрового кино, удивила своей экспрессивностью, жестким акцентированием независимости сознания юных героев, социальной обстановки и жизненной среды, питающих это сознание. В обрисовке персонажей, их поведения ощущается вызов, брошенный авторами своим предшественникам. Однако все выглядит органично, целостно — даже в эпатажных сценах показа интимных сторон отношений молодых людей. Жизнь с ее кричащими несуразностями, смещенными представлениями о ее ценностях и логике, ранее упрямая от глаз зрителей, подана на экране с жесткостью молодости, но талантливо.

Не хотелось бы распространяться в связи с этой картиной о своем отношении к эпизодам эротического характера. Разговор это не простой, и кое-что, в том числе и разумное, сказано в прессе по данному поводу, да и стоит ли говорить как бы между прочим о том, что так сильно взволновало множество зрителей. Однако не могу скрыть ощущения, что картина мало что потеряла бы и при ином (и необязательно, конечно, традиционном бесполом) художественном решении одного-двух так сильно смутивших зрителей эпизодов. Искусство, кажется, никогда не страдало от недосказанности...

Как можно судить по многочисленным письмам, немало зрителей, шокированных непривычными для нас экранными откровениями, отвлеклись от смысла вещи, от сути ее. А жаль. Однако при всей спорности и различии высказанных мнений явна незаурядность ленты, присутствие в ней элементов нового качества диалога со зрителем. В той или иной степени это проявилось и в ряде картин, в последующее время прошедших по нашим экранам, таких, как «Курьер» и «Город Зеро» К. Шахназарова, «Запомните меня такой» П. Чухрая, «Мерзавец» В. Мустафаева, «Фонтан» Ю. Мамина.

То, что в некоторых фильмах, близких по духу названным, прослеживается прямое заимствование традиционных сюжетных элементов зарубежных боевиков, авторы которых

безошибочно нащупывают объекты повышенного зрительского интереса, не удивляет и даже не особенно печалит. Беспокоит подражание почти слепое, без должной оценок, исполнение знакомых клише без достаточного художественного обогащения и осмысления их применительно к отечественной ситуации. Пример — «Меня зовут Арлекино».

Конфронтирующие стаи молодых людей, утверждающие насилием свою власть на территории улицы, что помогает им самоутвердиться, найти в том компенсацию унылому быту, серой повседневности. Драматический роман героя, заканчивающийся насильственным его подруги одним из местных мафиози. Бесконечные шатания, драки. Все это знакомо по зарубежным лентам, особенно напоминает давний итальянский фильм «Рокко и его братья». Правда, без малейшей возможности сравнивать эти картины по мастерству и зрелости мысли.

Дефицит психологизма, остроты взгляда, новизны художественных решений не могли восполнить ни динамика сюжета, ни моменты «ударного» свойства, ни любовная история.

Еще одна картина из того же ряда — «Трагедия в стиле рок» С. Кулиша. К запросам молодых оказались чутки и режиссеры со стажем. Сама подача проблем, коллажное изображение, подразумеваемая значительность происходящего даже там, где ее трудно угладеть, — все указывает на дань моде. Броско, внешне изобретательно строятся и монтируются эпизоды, порой напоминающие затянутые клипы. Конфликтные судьбы молодых со всей атрибутикой их быта и сознания, порой утрированные и преподнесенные под разоблачительным углом. Но при всем том не покидает ощущение игры ради игры. Изобретательности ради нее самой. Или ради красоты. А в осадке до обидного мало. Говорят, что фильм имеет успех у молодежи. Вполне возможно. Но, к сожалению, это не всегда повод для радости.

Тенденция, прослеживаемая в уже изрядной галерее фильмов последнего времени, безусловно, позитивна. Но развитие ее может происходить, особенно под воздействием коммерческого механизма, по-разному. Хорошо, если оно будет протекать в направлении, которое сулит жанровому фильму духовную наполненность, свежесть идей и красок, а не просто смену одежды.

Отказ в жанровом кино от уравнений со многими неизвестными закономерен и оправдан. Однако представлять на экране человеческие судьбы и конфликты с помощью арифметических выкладок, согласно которым дважды два — четыре, — пустое занятие. В искусстве, как и в жизни, дважды два почти всегда пять или... сколько вам угодно. ■

Илья КАЦЕВ

Фото И. ГНЕВАШЕВА

Как бы вы отнеслись к тому, что ваш папа отпустил волосы ниже плеч? Диму Маликова это ничуть не шокирует: у него, как и у отца, Юрия Маликова, руководителя популярного в свое время вокально-инструментального ансамбля, а ныне поп-группы «Самоцветы», почти одинаковые молодежные прически.

Вы скажете, легко стать известным певцом в 19 лет, если родился в семье музыканта и танцовщицы. Что ж, резон справедливый.

Незамысловатая, приятная мелодия, несколько рифмованных строк — что-нибудь о любви, попрыгать в такт и выглядеть модно — вот готовый рецепт появления недолговечного шлягера.

Если бы широкая аудитория чаще могла видеть концерты «Алисы», «Телевизора», «ДДТ» и других популярных и высокопрофессиональных артистов, мы бы не сталкивались с таким явлением, когда, имея за душой одну-единственную песенку, сцену заполонили новоявленные поп-звезды. Иные из них не получили даже азов музыкальной культуры.

Дима Маликов окончил музыкальную школу и музыкальное училище при Московской консерватории и теперь поступает на ее фортепианное отделение. Он вообще считает себя в первую очередь пианистом, тяготеющим к классике, хотя интересно и свежо сочиняет и аранжирует эстрадные песни. Мечта его — исполнять только собственный репертуар.

Маликова молодые зрители встречают с особым восторгом, они принимают его, как своего сверстника, чувствующего их настроения, знающего их мысли и интересы. Такой он и в жизни — простой, доступный, без признаков «звездной болезни». Скромный, вежливый, часто улыбочный и еще чаще серьезный. Не терпит докучливых поклонниц и непрошенных телефонных звонков. Но всегда приветлив и рад цветам на концертах.

Такой же, как все? Да нет, и отличает Диму от других эстрадных любимцев совсем не симпатичная внешность, хотя это немаловажно, кто же будет отрицать, и не высокие профессиональные качества его фонограмм — милых, романтических песенок. Они вполне в традициях умиротворенно-пасторальной эстрады.

Мне думается, Маликова отличает прежде всего то, что в старину называлось интеллигентностью и встречается на эстраде, увы, крайне редко. Такой он и в жизни. А на сцене этот образ, на мой взгляд, подчеркивает не только его манера держаться, но и костюм артиста — строгая «тройка». Мы же видим, что большинство молодых выступает в подчеркнуто ультрасовременных одеждах, украшенных обилием блесток. На их фоне Дима Маликов выглядит по меньшей мере юным... дипломатом. Дипломатом с демократическими манерами.

Нина ТИХОНОВА,
кандидат искусствоведения

КРАСОТА СПАСЕТ МИР

Хлопотное это дело — конкурс красоты. Но Всесоюзная дирекция зрелищно-массовых программ «Венец» самоотверженно взялась за его проведение. Мы настолько устали от показного единогласия, что наличие многочисленных сторонников и не менее горячих противников конкурсов представительниц прекрасного пола организаторов только воодушевляло. Они помнили слова Достоевского о том, что красота спасет мир.

Жюри работало не покладая рук. И параллельно с ним трудились зрители — они бомбардировали по телефонам компьютерный центр конкурса. На удивление многих, мнение тех и других совпало, и первой советской королевой красоты провозглашена московская школьница Юлия Суханова. И остальные главные титулы достались школьницам. Эха Урбсалу из Таллинна, заканчивающая музыкальную школу, завоевала звание «Мисс Супермодель», а Аня Портная из Южно-Сахалинска, выпускница школы с углубленным изучением английского языка, оказалась всех удачливее в разряде «Киношанс». До этого Эха думала поступать в консерваторию, но теперь хочет попробовать себя в качестве фотомодели. Кстати, она прилично владеет финским языком, а на английском говорит почти так же, как на русском. Аня Портная еще не решила, чем же будет заниматься в будущем, хотя появившийся шанс сняться в кино упускать не намерена.

Что касается королевы, то Юля Суханова будет пробовать силы в рекламе. В прошлом году она участвовала в конкурсе «Московская красавица», но пробилась всего лишь в число 18 лучших. Юле тогда едва исполнилось 16 лет, держалась она на сцене скованно, что и помешало ей произвести должное впечатление. За год она стала увереннее, а если к безупречной фигуре и несомненному шарму прибавить ее естественную скромность, старательность и трудолюбие, то не надо искать других причин успеха московской школьницы.

География конкурса на этот раз была широка. В финале достойно были представлены первые красавицы экзотических городов: «Северная принцесса» из Якутска, «Цветок Байкала» из Улан-Удэ, «Принцесса Нового года» из Душанбе, а с ними вместе красавицы Нижегородская, Тверская, Сурская, Донская... Сколько старинных названий русских городов звучало со сцены!

Далеко не все поддерживали идею этого праздника красоты. Организаторам нередко приходилось на ходу вынимать палки из колес, которые безответственно вставляли то функционеры от культуры, то отечественные и зарубежные спонсоры авантюрного пошиба типа британской компании «Афро-Араб» во главе с падким на обещания доктором Мансуром.

Несколько дополнительных слов о королеве. Она четвертый ребенок в семье — после двух старших сестер и брата. В десять лет потеряла отца. Самое большое влияние на нее имеет, как ни странно, не мама, а муж одной из сестер — серьезный и рассудительный Игорь. Юля больше всего в жизни ценит независимость и свободу. Руководствуется принципом «дорогу осилит идущий». Предпочитает одежду современного, броского стиля. Недавно почувствовала вкус к аэробике. Из школьных предметов больше других любила историю. Теперь сама попала в историю. Как наша первая королева красоты.

Евгений ЦИРЛИН
Фото А. ЛИДОВА

8
**ЛЕГКО ЛИ
СТАТЬ
ПЕВЦОМ?**

На восьмой
звуковой
странице
Д. Маликов
исполняет
свои песни
«Ты моей
никогда
не будешь»
(стихи
Д. Самойлова)
и «До завтра»
(стихи
А. Шаганова).

ФОТО
А. ЛИДОВА

ПО ВАШИМ ПРОСЬБАМ

Рок-музыка, которой увлекаются тысячи и тысячи молодых людей, оказалась той ареной, на которой в горячем споре скрестили шпаги своих аргументов как горячие поклонники этого вида искусства, так и ярые его противники. Отголоски этих споров мы находим в письмах, которые приходят в «Кругозор».

ВОН ИЗ НАШЕЙ ЖИЗНИ!

«В последнее время начали наконец раздаваться голоса: «Люди, остановитесь, слишком далеко мы зашли в тупик с эпидемией рок-музыки!» Некоторые высказывают сомнения, что уже слишком поздно... Другие считают, что надо действовать, что можно еще спасти поруганное и разрушаемое народное искусство, особенно русскую народную музыку...»

А откуда он взялся, этот рок? Ученые доказали, что рок берет начало в свадебных обрядах дикарей джунглей Африки. Даже не обычных дикарей, а племени людоедов. Таким образом, основой этого направления является дикость, распущенность и жесто-

тунейдство, модой — наркомания и проституция...

От рока никуда не спрячешься и не закроешься. В квартире выключишь приемник и телевизор — из окон других квартир раздаются крики рокеров, сядешь в автобус — то же самое, в поезде едешь — опять рок...

Есть разные мнения, куда девать этих рокеров. Одни предлагают всех их выловить и отправить на необитаемый остров. Я думаю, это неправильно. Вряд ли найдешь остров, куда их можно было бы поместить. Другие предлагают просто разогнать их. Мне кажется, это тоже не выход из положения. Наиболее верный путь следующий: — Запретить им выступать по радио и телевидению, разгородить танцплощадки, так как это фактически место разврата.

— В школах и дворцах культуры организовать кружки народных танцев, поднять военно-патриотическое воспитание.

— Организовывать постоянные фестивали народной песни.

— Запретить рок-фестивали и создание фильмов о рокерах и другой дикости.

— Шире развернуть пропаганду о вреде рок-музыки...

С. А. КОВАЛЕНКО,
село Зональное,
Алтайский край»

Такое вот письмо, вернее, выдержки из большого письма. Что ж, каждый волен иметь свое мнение, свои увлечения и пристрастия. На это письмо мы попросили ответить известного советского музыковеда, члена Союза композиторов СССР Аркадия ПЕТРОВА.

УВАЖАТЬ УВЛЕЧЕНИЯ МОЛОДЕЖИ

Скажу сразу, что традиционная полемика с т. Коваленко вряд ли принесет пользу. Рок-музыка для него какой-то фантазмагорический символ всех и всяческих бед в нашей жизни.

Читая письмо т. Коваленко, выдержки из которого помещены выше, мне временами казалось, что это ловкий розыгрыш какого-то шутника, по ошибке попавший вместо 16-й страницы «Литгазеты» в «Кругозор». Но нет, письмо подлинное — из села с любопытным названием Зональное. Живет там человек, который по-своему болеет за нашу культуру. Чистосердечно предлагает запретить выступать рок-музыкантам по радио, разгородить танцплощадки (интересно, как это будет выглядеть на практике), организовать кружки народных танцев. Против последнего никто не возражает, но дело совершенно в другом. Тов. Коваленко С. А. повторяет на свой лад некоторые расхожие в массовом

сознании мифы. Ведь сколько раз говорилось и писалось везде и всюду, что мы окружены врагами, что Запад нас разлагает, что современная музыка порочна и пошла, а танцы дики и необузданны. А сколько шла борьба вполне официальная с джазом, эстрадой, роком и тому подобным, сколько было сделано, чтобы всю эту музыку в бараний рог согнуть и загнать, как говорили когда-то, за Можай. На память старшего поколения тридцатые годы, когда велась чуть ли не война с «фокстротчиками», в сороковые — с джазом (у музыкантов тот славный период до сих пор именуется «эпохой разгибания саксофонов»). Были кампании по борьбе с рок-н-роллом, твистом, шейком, с вокально-инструментальными ансамблями, да, да, теми самыми ВИА, которые кажутся нам сегодня такими пресными, безобидно-витаминными.

А что же рок?

Первые советские группы появились еще в 60-е годы. Но настоящую силу это явление обрело лишь на переломе 70 — 80-х годов. Рок начинался у нас как заимствование — большинство первых песен писалось, например, на английском языке. Однако уже в самом раннем роке звучали и русские элементы, связанные с частушкой, страданием, романсом, бардовской балладой.

Ключевыми для сегодняшнего слушателя стали социальные мотивы рок-музыки, ее качество своеобразного индикатора общественной жизни. Музыка в рок-песне часто лишь поддерживает, усиливает тексты, сообщения, лозунги. Без музыки рок невозможен, и все же она, музыка, в сфере рока играет не первую роль.

Что же такое рок для молодежи? Почему он «сверхпопулярен» среди подростков? Чем это вызвано?

В первую очередь рок стал для них зеркалом, отражающим жизнь с ее социальными болями, противоречиями и конфликтами. Он стал как бы фирменным знаком, отличающим своих от чужих. Искусством правды — голой, суровой, неприкрытой. Музыкой, которую не понимают и не принимают родители, учителя, вообще весь «взрослый мир». Музыкой неожиданной, яркой, смелой, порой агрессивной, провоцирующей, как когда-то желтая кофта Маяковского.

Эти свойства рока, возможно, и объясняют тотальное всевластие подобной музыки. Все остальное — яркая театрализация, эпатажирующие костюмы, прически — расширяют и углубляют его влияние, добавляя ощущение «крутизны», «опасной игры». Многие возникают из чувства противодействия, сладости запретного плода. А иногда проявляются какие-то не

КОМУ ОН НУЖЕН, ЭТОТ РОК?

РАЗНЫЕ МНЕНИЯ

сразу понятные нам, взрослым, психологические и возрастные мотивы. Так озадачивающая популярность тяжелого рока («металла») может быть, вероятно, объяснена и тяготением подростков к волшебным сказкам, фантастике, легендарным образам «повелителей стихий», равно как и возможностью дать выход лишней энергии, участвуя в ритуале исполнения — аплодируя, пританцовывая, размахивая припасенными флажками, шарфами и т. д. И нечего удивляться: ведь поклонники «хэви» — это 14 — 15-летние подростки...

О текстах песен рока обычно слышишь самые резкие, даже уничижительные высказывания. Замечания эти чаще всего правильны по отношению к развлекательной эстраде, где нередко царят банальность и штампы. В роке же сильнее всего подкупает неприглаженность, личностность поэтической интонации. Многие тексты таких групп, как «Аквариум», «ДДТ», «Наутилус Помпилиус», «Кино»,

«Звуки Му», — интересная поэзия. И еще одно. Классическая музыка порождает углубленность в себя, в концертном зале каждый слушатель остается как бы наедине с ней. Рок-музыка рассчитана скорее на пробуждение коллективных эмоций, она оказывает не только духовное, но и мощное физиологическое воздействие. Однако способность к сильному эмоциональному отклику на такую музыку у людей неодинакова. Люди с подавленным эмоциональным миром и избыточным (часто не сработавшим!) самоконтролем, как правило, настороженно относятся к ней, боятся ее, рассматривают как нечто враждебное.

Именно эти черты были характерны для Позднышева, героя повести Л. Толстого «Крейцера соната». Толстой вложил в его уста следующие слова: «...Страшная вещь музыка... что она делает? И зачем она делает то, что она делает? Говорят, музыка действует возвышающим душу образом — вздор, неправда! Она действует... раздражающим душу образом... Музыка заставляет меня забывать себя, мое истинное положение, она переносит меня в какое-то другое, не свое положение; мне под влиянием музыки кажется, что я чувствую то, чего я, собственно, не чувствую... И оттого музыка так страшно, так ужасно иногда действует».

Тут речь идет, ясное дело, не о роке, а о классике самой высокой пробы. Далее у Толстого Позднышев говорит о том, что музыку можно использовать как гипнотическое средство, и высказывается за ее государственную регламентацию.

Как видите, такое отношение к музыке возникло не сегодня.

Тем более не надо расправляться с музыкально-инакомыслящими, запрещать их концерты, ссылать их на необитаемые острова или разгораживать танцплощадки. Как нам еще не хватает терпимости к увлечениям, вкусам и интересам других людей!

Должна быть музыка всякая — простая и сложная, классическая и народная, профессиональная и любительская. Конечно, необходимо тактичное и спокойное по тону просвещение молодых, нужен умный анализ, надо уметь ценить и оценивать все, что происходит в бурном мире «молодежной музыки». Только никого не надо тащить в «светлое будущее» за шиворот. Не надо, как кому-то хотелось бы, надеть смиренную рубашку на рок и насильно насаждать народные хоры, как предлагает автор письма. Культура живет по своим законам, она отражает сложные процессы, происходящие в обществе, порождает активное отношение к жизни, стремление сделать ее лучше для всех.

Кругозор

В (305) август 1989 г.
Год основания 1964

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЛИТЕРАТУРНО-МУЗЫКАЛЬНЫЙ
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЗВУКОВОЙ ЖУРНАЛ

© ИЗДАТЕЛЬ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
КОМИТЕТ СССР
ПО ТЕЛЕВИДЕНИЮ
И РАДИОВЕЩАНИЮ
1989 г.

На первой странице
обложки — Мисс
мира и Мисс СССР
Л. Петурсдорттер
и Ю. Суханова
Фото А. Лидова

Звуковые страницы
изготовлены
Всесоюзной
студией грамзаписи
фирмы «Мелодия»
и Государственным
Домом радиовещания
и звукозаписи.

Сдано в набор
14.06.89.

Подп. к печ. 22.06.89.
Б 01908.

Формат 84 × 108 1/8.
Бумага офсетная.
Офсетная печать.
Усл. печ. л. 1,68.
Усл. кр.-отт. 6,30.
Уч.-изд. л. 3,50.
Тираж 270 000 экз.
Зак. 833.
Цена 1 р. 50 к.

Адрес редакции:
113326, Москва,
Пятницкая, 25,
«Кругозор».

☎ Телефон редакции:
241-67-67.

Ордена Ленина
и ордена
Октябрьской
Революции
типография
имени В. И. Ленина
издательства
ЦК КПСС «Правда».
125865, ГСП,
Москва, А-137,
ул. «Правды», 24.

Главный редактор
Б. М. ХЕССИН
Редакционная
коллегия:
Е. С. ВЕЛИСТОВ,
Е. М. ВИНОКУРОВ,
М. А. ЗАХАРОВ,
С. П. КАПИЦА,
А. Г. ЛУЦКИЙ,
О. П. МЕЛЬНИКОВА,
Р. В. ПАУЛС,
Т. С. ПЛИСОВА,
Ю. М. ПОЛЯКОВ,
М. М. РОЩИН,
Л. В. ТЕРЕХОВА,
А. Я. ЭШПАЙ.

Технический
редактор
Л. Е. Петрова

Американцы ее называли величайшей БЕЛОЙ блюзовой певицей. Быть может, проживи Дженис на несколько лет дольше, она стала бы просто величайшей блюзовой певицей.

Дженис родилась в провинциальном и сонном Порт-Артуре (Техас) 19 января 1943 года. Ей было семнадцать, когда она открыла для себя блюз и стала запоем слушать великодушную негритянку Бесси Смит и, естественно, петь ее песни с неподражаемым блюзовым надрывом.

После окончания школы она начала заниматься в колледже, чтобы стать преподавателем, но неожиданно для всех бросила учебу и отправилась в Калифорнию. Пять лет пела в барах и клубах, играла на губной гармонике и была прозвана «неприкаянной птицей».

Тем временем, к середине 60-х, на Калифорнийское побережье накатил волна экзотических молодежных групп. Над дикими, космическими одеждами развеивались волосы и борды хиппи, создающих свой стиль жизни. Появились группы, которые начали играть и петь для своего удовольствия. С юношеским максимализмом они бунтовали против меркантильности общества и угнетения личности.

Дженис начала выступать в одной из таких групп — «Биг Бразер». Она пела раскованно, с вызовом, утверждая, что единственный способ выразить себя в электрифицированной рок-группе — это взрываться самой. Выплескивать накопившуюся энергию. «Биг Бразер» пригласили записать пластинку на небольшой чикагской фирме. Альбом получился неудачным и потому появился в продаже только после успеха группы на престижном фестивале в 1967 году.

Фестиваль собрал 50 тысяч поклонников музыки, не ожидавших никаких открытий от участников «Биг Бразер», сравнительно мало известных за пределами Сан-Франциско. Им пришлось выступать после такой звезды, как Джими Хендрикс, и все же они стали открытием фестиваля. Дженис необычно исполнила блюз — агрессивно, звучание было грубое, резкое и, может быть, поэтому вызвало интерес у слушателей.

На одиннадцатой
звуковой
странице
в исполнении
Д. Джоллин
«Плачь,
детка»
(Рэговой,
Бернс)
и «Покинутая
женщина»
(Пенн,
Олдхэм).

ПОГРЕБЕННАЯ
ЗАЖИВО
В БЛЮЗЕ

ПО СТРАНИЦАМ «РОКА!»

Конкурс «Вокруг звука»
продолжается...

Рисунки Е. КОЖУХОВА
(г. Биробиджан)

Критики не скупилась на восторженные статьи — Дженис превратилась в рок-звезду. В начале 1968 года «Биг Бразер» отправился в турне, выступая в самых крупных залах. В своей вызывающей одежде Дженис на сцене доводила себя до иступления пением и танцами. Когда осенью вышел альбом «Дешевые сенсации», он почти сразу стал «золотым».

Но успех не закрепил сотрудничество Дженис и «Биг Бразер». Наоборот, они расстались. Ей хотелось добиться более плотного звучания, и она сколотила новую группу и уехала с ней в турне. Концерты проходили успешно, но Дженис чувствовала, что группа лишена колдовства «Биг Бразер».

В ноябре 1969 года они записали альбом «Космический блюз», встреченный неоднозначными отзывами. Критики спрашивали, не теряет ли она силу своего чудного голоса. Но Дженис осталась верной блюзу. Весной 1970-го она вновь появилась на сцене с «Биг Бразер». Они исполняли свои старые вещи, что вызвало восторг слушателей.

Все пошло на лад, когда Дженис в мае 70-го сформировала группу «Фулл-Тилт Буги Бэнд». Их дебют состоялся в Луизиане, и это было самое неистовое и колдовское выступление Дженис за всю ее жизнь. Она пела в своей резкой, бурной манере, заставляя весь зал дружно раскачиваться в креслах, а затем — всех подняться с мест и пуститься в общий танец.

Находясь в зените славы, певица уже почти закончила запись нового альбома, но внезапная смерть оборвала работу. Дженис умерла 3 октября 1970 года, случайно приняв большую дозу героина. Альбом под названием «Жемчужина» вышел уже посмертно, как дань великой певице, живо похоронившей себя в блюзе.

Дебора Ландау в книге «Дженис Джоплин — ее жизнь и время» писала: «Можно ли было умереть более одиноко: одна в номере мотеля в Лос-Анджелесе, в прекрасном настроении, она неосторожно взорвала свою жизнь и в полном одиночестве и тишине покинула этот мир».

Ольга ШЕРОНОВА

Владимира Альбинина я знаю давно и, хочется добавить, как облупленного.

Родился он в Магадане. А Магадан, как известно, находится у черта на куличках, что, безусловно, наложило отпечаток на всю последующую деятельность питомца сурового края.

Альбинин родился в Магадане, а уволили его из газеты уже в Рязани. Как? За что? Когда? В молодости. В годы застоя. За критику, которую он (ишь ты какой!) опубликовал в «Крокодиле».

Но, как говорится, что судьба ни делает — все у ней получается! И он (ну надо же!) вдруг стал секретарем райкома комсомола в одном из районов Московской области.

Сто километров от Москвы — это для человека, родившегося в Магадане, все равно, что две копейки для миллионера. И вот Володя уже в Москве, в штате редакция газеты «Московский комсомолец».

Рассказывают, что, когда он писал о сельском хозяйстве, смеялись даже куры-несушки (или это сельское хозяйство у нас такое, или?..). В редакции решили мудро: доверить ему отдел сатиры и юмора, которого не было... И отдел «Сатира энд юмор» появился. И это было аж в 1975 году.

Годы, годы... За эти годы Альбининым написано столько, что если бы он сдал все вырезки из газет и журналов в макулатуру, ему дали бы сразу три талона на «Графа Монте-Кристо». И тут следует сказать, что если все жизненные приключения В. Альбинина перенести на бумагу, то получилась бы книга даже толще, чем про графа.

Он печатался в «Крокодиле», «Перце», «Чаяне», «Литературной газете», «Литературной России», «Неделе» (да где он только печатался!)... Снимался в передачах «Вокруг смеха» и на фотокарточку для удостоверения специального корреспондента газеты «Советская Россия», откуда заблаговременно (до публикации письма Нины Андреевой) перешел на работу в «Крокодил».

А зачем, собственно, я все это о нем говорю? Потому что рассказы его и монологи со временем (эх, годы, годы!) начали читать с эстрады Евгений Петросян, Геннадий Дудник, Ефим Шифрин и другие менее популярные, но не менее симпатичные артисты. Альбинин же стал, кроме прочего, именоваться еще и эстрадным драматургом.

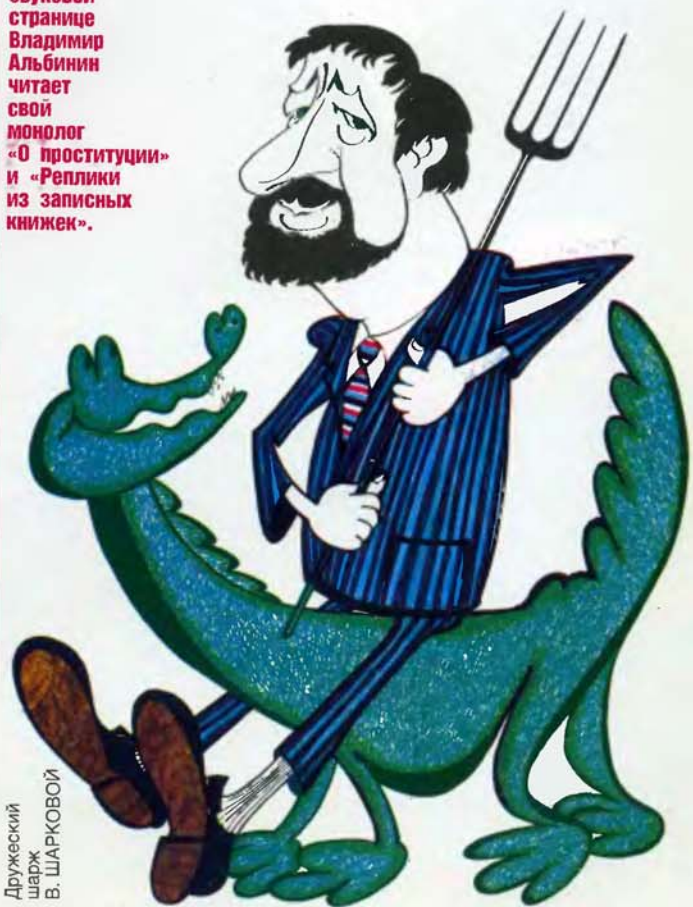
А раз так, начал и сам выступать на эстраде с чтением по бумажке, что вызывало бы у зрителей недоумение, если бы не вызывало смех. А смех — это на сегодняшний день, пожалуй, единственная конвертируемая валюта. Потому что заставить человека

СМЕХ В ЗАТЕ

ПРИКЛЮЧЕНИЯ АЛЬБИНИНА

На десятой звуковой странице Владимир Альбинин читает свой монолог «О проституции» и «Реплики из записных книжек».

Дружеский шарж В. ШАРКОВОЙ

рассмеяться только от обещаний, призывов и покаяний нельзя. Смех — это как разряд электричества, он возникает от легкого соприкосновения двух зарядов, в жизни это: серьезное отношение к действительности и комическое ее отображение. А впрочем, может быть, насчет двух зарядов я ошибаюсь, я не Альбинин, Рязанский областной педагогический институт не кончал. Я и не начинал даже.

Однако вернемся к Альбинину, чтобы с ним попрощаться. Альбинин всегда куда-то спешит. На собеседника смотрит внимательно и задумчиво, словно вспоминает, где они с ним вместе ужинали. Любит Жванецкого. Говорят — взаимно. В гостиничном номере чувствует себя как дома, дома, как в гостинице, и летом, когда он сидит у открытого окна, мне иногда кажется, что вот он сейчас заурчит, зафырчит, подпрыгнет и — вылетит в окно, как Карлсон, который живет на крыше. Столько в нем энергии.

Вот что может получиться из человека, если он родился в Магадане и всю жизнь посвятил юмору и этой, как ее... сатире.

Виктор КОКЛЮШКИН

Этого симпатичного мужчину знают слушатели во многих странах, а на дискотеках всегда можно услышать его песни в исполнении «Модерн Токинг», Си-Си Кэтч, бывших вокалистов групп «Смоки» и «Бэй Сити Роллерз» — Криса Нормана и Леса Маккоуна. Однако встретиться с ним трудно даже в Гамбурге, где живет этот популярный певец, продюсер и композитор. Дитер скрывается от чужих глаз либо в своем доме, либо в «Студии 33» у давнего напарника, звукорежис-

На двенадцатой звуковой странице в исполнении «Блю Систем» песни «Любовная сюита» и «Молчаливая вода». Музыка и слова Дитера Болена.

12

сера Луиса Родригеса. И если бы не случайность — знакомство редактора популярного журнала «Темпо» Вольфганга Вильке с Боленом, — я бы никогда не услышал обнадеживающих слов: «Дитер встретится с тобой...»

Болен назначил местом встречи студию Родригеса: «там можно и поговорить спокойно, и послушать новые песни», но какие — он не уточнил. Я пришел пораньше и поинтересовался: «А что записываете?» Луис после недолгих колебаний признался: «Новую пластинку «Блю Систем»...»

Дитер был удивительно точным, словно хотел разрушить еще бытующие у нас слухи о взбалмошности западных звезд, и сразу же предложил приступить к делу. «Времени всегда не хватает», — с грустью признался он.

— Многие наши слушатели хотят знать, чем ты занимаешься сегодня?

— Основной проект — группа «Блю Систем». Скорее, это не группа, а новый псевдоним Дитера Болена. По сравнению с «Модерн Токинг» мой вокал стал более насыщенным, с джазовыми интонациями, а ритм — более роковым. Думаю о продолжении сотрудничества с Си-Си Кэтч, начинается работа с двумя новыми молодыми исполнителями, но их имена я пока называть не буду.

— Ты не только известный композитор, но и продюсер. Можно ли представить, что однажды ты станешь продюсером и для советских авторов и исполнителей?

— Я просто не знаю вашей поп-музыки. Я знаю, как надо писать шлягер для наших западных слушателей. 250 золотых дисков — наглядное доказательство. Но, возможно, однажды какой-нибудь из ваших певцов станет исполнителем моих песен.

Однако логичней сперва познакомиться. Я думаю о гастролях у вас уже три года, с тех пор, как узнал, что «Модерн Токинг» популярен в СССР. Но потом к вам приехал Андерс (а я с ним расстался), попел под фонограмму и этим отдалил мой приезд. Если приеду я, то с музыкантами, светом, шоу. Наверное, с Си-Си Кэтч.

— Но для многих, как и дома, в ФРГ, ты стал символом коммерсанта от музыки.

— Такое мнение меня очень обижает. Это несправедливо. Коммерсант — это человек в искусстве, который делает свое дело без души. Я всегда занимался развлекательной музыкой, рассматривая ее как своеобразную социальную терапию. Приходит уставший человек вечером домой, а по телевизору опять бомбы, кровь, стихийные бедствия. Он послушает мягкую, лиричную музыку, и на душе у него становится теплее, ему не так одиноко, не так страшно.

Меня упрекают в том, что я не пишу песен о социальных проблемах. Но я считаю, что гораздо важнее уничтожить общественные структуры, создающие это социальное зло, чем обвинять мои песни в легковесности. Кстати, я поддерживаю экологическое движение, не выступаю в ЮАР, что легко делают многие американские коллеги, например, Барри Манилоу...

Беседа подошла к концу, и Дитер начал извиняться: «Мне еще нужно сегодня поработать. А читатель «Кругозора» я надеюсь порадовать новыми песнями. В конце концов именно этого, думаю, они и ждут...»

Беседу вел Михаил СИГАЛОВ
Гамбург—Москва

НОВЫЙ ПСЕВДОНИМ ДИТЕРА БОЛЕНА